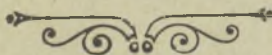

8
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ТРУДЪ И ВѢЩА»

Г. Балицкий.

ФАБРИЧНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
ВЪ РОССІИ.

ЦѢНА 15 КОП.

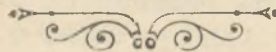

8.
Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ, книжный магазинъ
Д. П. Ефимова.
1906 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ТРУДЪ И ВОЛЯ».

Г. В. Балицкій.

ФАБРИЧНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
ВЪ РОССІИ.

Цена 15 коп.

...ва, Моховая, д. Бенкендорфъ, книжный магазинъ.

Д. П. Ефимова.

1906 г.

138 KPIP

1100138

Доволено цензурою. Р/Д. 12 Августа 1905 г.

Биографія А. П. Поплавскаго, Малия пер., свой домъ

Послѣ событій прошлаго года—года крови, пролитой не только на поляхъ далекой и чуждой Манчжуріи и въ водахъ Тихаго океана, но и на улицахъ русскихъ городовъ, даже въ самомъ сердцѣ Россіи—Москвѣ, крови не враговъ страны, а своей братской, русскихъ гражданъ, года, когда не было уголка нашей обширной родины, куда не долетѣли бы раскатистымъ эхо громовые удары великой революціи, послѣ событій, повторяемъ, такого года едва ли осмѣлится еще кто-нибудь утверждать, что у насъ нѣтъ рабочаго класса, что у насъ нѣтъ рабочаго вопроса, что у насъ нѣтъ специально рабочихъ нуждъ. Болѣе ярко и громогласно заявить о своемъ существованіи и о своихъ нуждахъ, чѣмъ было заявлено пролетаріатомъ въ прошломъ кровавомъ году—невозможно. Кто бы теперь ни стоялъ у власти, въ чьихъ бы рукахъ ни была судьба Россіи—тотъ уже не можетъ игнорировать указанныхъ вопросовъ безъ риска для себя и для всей Россіи. Рабочій вопросъ стоитъ на первенствующемъ мѣстѣ, а онъ почти весь выливается въ фабричное законодательство.

Многое зависитъ отъ него. Будетъ ли оно создано пытною, рѣшительною и главное дружествен-

ною для рабочихъ рукою, или оно будетъ влачить такое же жалкое существованіе, какъ и до сихъ поръ; найдутъ ли рабочіе въ законодателѣ себѣ защитника или онъ будетъ накладывать старый штемпель полицейской опеки надъ рабочими и защиты капитала, — отъ разрѣшенія этихъ вопросовъ будетъ зависѣть, пойдетъ ли Россія по мирному пути прогресса и культуры или будетъ пылать въ огнѣ революціи.

Въ виду такой важности нашего будущаго законодательства объ охранѣ труда, мы попытаемся здѣсь представить историческій ходъ нашего фабричнаго законодательства, его характеръ и условія развитія, дабы намѣтить тѣ его нужды, которыя подлежатъ разрѣшенію народныхъ представителей въ первыхъ же своихъ собраніяхъ, и показать недостатки, которыми такъ изобилуетъ наше фабричное законодательство.

I.

Съ первыхъ же словъ надо напомнить читателю, что въ прошломъ вѣкѣ цѣлыхъ *шестьдесятъ* лѣтъ у насъ существовало крѣпостное право. Въ фабричномъ законодательствѣ, какъ и во всемъ, оно играло едва ли не руководящую роль, конечно за время своего существованія. Законодателю приходилось считаться съ нимъ и въ такой мѣрѣ, что онъ иногда не могъ сдѣлать ни малѣйшаго шага. Въ началѣ прошлаго вѣка изъ 95 тысячъ рабочихъ вольнонаемныхъ было всего 45,625, т.е. меньше половины. Фабриканты еще очень охотно пользовались принудительнымъ трудомъ, а составъ фабрикантовъ очень часто совершенно исключалъ возможность какого-либо законодательства. Чтобы яснѣе представить себѣ положеніе рабочихъ, мы должны нѣсколько познакомиться съ характеромъ фабрикъ, пользовавшихся принудительнымъ трудомъ. Такія фабрики дѣлились на двѣ группы; однѣ изъ нихъ принадлежали только дворянамъ и назывались вотчинными, а другія могли принадлежать не-дворянину и назывались *поссессионными*. *Юридическое* положеніе рабочихъ этихъ фабрикъ было нѣсколько различное, но *фактически* этого различія, какъ мы увидимъ, не существовало.

Помѣщикъ-дворянинъ, извѣстно, былъ полнымъ властелиномъ своихъ крѣпостныхъ; онъ ими распоряжался какъ вещью, и отъ его желанія зависѣло, куда употребить рабочую силу крѣпостныхъ. Онъ

собственной властью переводил крестьянъ съ земель на фабрики и часто переселялъ изъ другихъ губерній. Такимъ образомъ, возникло большинство вотчинныхъ фабрикъ. Такъ, помѣщикъ Нижегородской губерніи, уничтоживъ часть запашки, завелъ фабрику. «Мужики не привыкли къ работѣ, дѣло отправляется худо, ихъ наказываютъ, не выполнишаго урокъ сѣкутъ и сажаютъ въ воскресенье на работу». Такихъ фабрикъ въ первой четверти прошлаго вѣка было очень много; они пользовались большимъ количествомъ рабочихъ рукъ. У кн. Гагарина, на примѣръ, на фабрикѣ было болѣе 1000 человекъ крѣпостныхъ изъ 12—15 окрестныхъ деревень; у Воейковой до 300 ч., «надъ которыми помѣщица тиранствовала съ такимъ изувѣрствомъ и жестокостью», что рабочіе спустя десятилѣтія «не могли вспомнить безъ ужаса и содроганія объ этой барынѣ, за малѣйшій проступокъ подвергавшей нещадной поркѣ по 10—15 рабочихъ ежедневно».

Нечего и говорить, что весь трудъ такихъ рабочихъ принадлежитъ помѣщику, а за это первые получали лишь помѣщеніе и содержаніе, и въ лучшемъ случаѣ небольшую плату. Такимъ образомъ, работа на фабрикѣ была такою же барщиной, только въ своихъ же интересахъ помѣщикъ обыкновенно дѣлил своихъ крестьянъ на двѣ части—одна обрабатывала поля, въ то время какъ другая работала на фабрикѣ. Если помѣщикъ платилъ заработную плату, то очень ничтожную и преимущественно предметами потребленія. Каково было положеніе рабочихъ на вотчинныхъ фабрикахъ, мы знаемъ по свидѣтельству Николая Тургенева. «Въ послѣдніе годы,—пишетъ онъ,—появилось новое несчастье для бѣднаго русскаго мужика—суконныя и другія фабрики. Помѣщики помѣщали сотни крѣпостныхъ, преимущественно молодыхъ дѣвушекъ и мужчинъ, въ жалгія лачуги и силой заставляли работать... Я вспоминаю, съ какимъ ужасомъ говорили крестьяне объ этихъ

заведеніяхъ: они говорили: «въ этой деревнѣ есть фабрика» съ такимъ выраженіемъ, какъ если бы они хотѣли сказать: «въ этой деревнѣ чума».

Изъ этихъ немногихъ словъ о матеріальномъ и правовомъ положеніи рабочихъ на вотчинныхъ фабрикахъ видно, что они стоятъ внѣ охраны закона, находятся въ полномъ распоряженіи помѣщиковъ и зависятъ отъ ихъ произвола.

Это были двѣ стороны, взаимное отношеніе которыхъ характеризовалось едва ли не обожествленіемъ первой и безправнымъ рабствомъ второй. Власть не желала и не могла вмѣшаться въ эти отношенія.

Естественно, что такія отношенія были постояннымъ источникомъ волненій среди рабочихъ. Подъ вліяніемъ этихъ волненій въ 30-хъ годахъ московскій генералъ-губернаторъ, князь Голицынъ, попытался было что-то такое переменить въ отношеніяхъ крестьянъ - работниковъ и помѣщиковъ - фабрикантовъ. Но онъ очень скоро долженъ былъ почувствовать свое безсиліе. Представитель дворянства—московскій предводитель заявилъ, что «явное и непосредственное прикосновеніе къ симъ правамъ (распоряжаться трудомъ своихъ крѣпостныхъ) и обязанностямъ можетъ обратиться къ тому, что выведетъ многихъ изъ границъ послушанія». Николаевское правительство, больше всего боявшееся, чтобы кто-нибудь не вышелъ «изъ границъ послушанія», тотчасъ сократилось и оставило въ покоѣ разгуть дворянства. Правительство не могло и не желало подрывать власть помѣщиковъ, такъ какъ послѣдніе являлись опорой самого правительства, а всякое вмѣшательство съ ихъ стороны принималось, какъ подрывъ авторитета. Поэтому всѣ мѣры, касавшіяся до крѣпостныхъ, принимались крайне осторожно и нерѣшительно. Въ одной изъ своихъ рѣчей Николай сказалъ: «Я, конечно, самодержавный и самовластный, но никогда не рѣшусь на то, чтобы приказать помѣщикамъ заключать договоры». Отношенія помѣ-

щиковъ и крестьянъ опредѣлились въ той же рѣчи «доброй волей» помѣщикавъ, и Николай никогда не рѣшился положительнымъ закономъ опредѣлить эти отношенія. Вотъ почему попытка Голицына закончилась безобиднымъ «внушеніемъ», которое должны были дѣлать фабрикантамъ предводители дворянства. «Внушенія» эти заключали слѣдующіе три пункта: 1) чтобы при учрежденіи новыхъ фабрикъ и заводовъ помѣщики, по возможности, избѣгали обращенія пахотныхъ крестьянъ, особенно же цѣлыми селеніями, къ фабричнымъ работамъ; 2) чтобы на фабрикахъ и заводахъ наблюдалось общее правило: не требовать работы болѣе 3 дней въ недѣлю, или же, чтобы работали брать на брата такъ, чтобы половину мѣсяца оставались всегда при своемъ собственномъ хозяйствѣ; тамъ же, гдѣ работающіе не имѣютъ своего земледѣлія, полагаема была, вмѣсто сего, соразмѣрная трудамъ задѣльная плата; 3) чтобы помѣщики неслись о содержаніи и благосостояніи людей на ихъ фабрикахъ, не принуждали ихъ къ работамъ въ воскресные дни, двенадесятые и храмовые праздники.

Не имѣя силы обязательности ни для предводителей, ни для фабрикантовъ и не требуя ответственности за нарушенія, эти пункты сами по себѣ крайне неясны, неопредѣленны и прямо боязливы. Что такое «по возможности, избѣгать» обращенія крестьянъ къ фабричнымъ работамъ? Что такое соразмѣрная трудамъ задѣльная плата? Что за нормировка рабочаго времени, которая ограничивается не принужденіемъ работать въ воскресные и двенадесятые праздники? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ пункты не даютъ даже приблизительнаго отвѣта, а такихъ вопросовъ относительно пунктовъ можно было бы задать болѣе десятка. Такія правила или, лучше сказать «внушенія» ни въ коемъ случаѣ не могутъ считаться законодательной защитой труда крѣпостныхъ рабочихъ. Такъ же, вѣ-

роятно, смотрѣли на нихъ и фабриканты—дворяне, ни мало не заботясь о поруганіи или умаленіи своихъ правъ.

Нисколько не въ лучшемъ положеніи фактически находились рабочіе и на посессионныхъ фабрикахъ, хотя оно юридически и отличалось. Власть помѣщика юридически была ограничена; онъ не имѣлъ права отдѣлять крѣпостныхъ отъ фабрики: они были «крѣпки фабрикъ». Онъ не могъ ихъ переводить на другую фабрику или на сельское хозяйство, не могъ даже мѣнять родъ производства, онъ обязанъ былъ выдавать «достаточную плату» за трудъ. Правительство могло, по своему усмотрѣнію, установить весь внутренній распорядокъ фабричныхъ работъ и даже опредѣлить всѣ отношенія рабочихъ къ владѣльцу¹⁾. По закону 1803 года фабрика могла быть отобрана въ казну за злоупотребленія со стороны ея владѣльца по отношенію къ рабочимъ, а послѣдніе могли быть отпущены на свободу. Всѣ эти права въ дѣйствительности были настолько несостоятельными, что рабочіе были въ полной власти владѣльцевъ фабрикъ. Правительство очень часто даже не знало о существованіи посессионныхъ фабрикъ и во всякомъ случаѣ очень мало интересовалось ихъ бытомъ. Фабриканты же имѣли многочисленныя средства къ тому, чтобы подчинить себѣ рабочихъ.

Что же можетъ быть больше права фабриканта, по которому онъ могъ ссылать непокорнаго рабочаго въ Сибирь, хотя бы и съ разрѣшенія начальства? Дальше этого права итти некуда.

Послѣ этого насъ не удивятъ извѣстія, что рабочіе и на посессионныхъ фабрикахъ часто не получали никакой платы и работа шла «братъ на брата», что количество работы не было совершенно

¹⁾ См. Туганъ-Барановскій: «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ». Т. I. Спб. 1900 г. стр. 114—115.

нормировано, что «достаточная» заработная плата была совершенно недостаточной ни по работѣ, ни по стоимости содержанія, что на ряду со взрослыми работали одинаково женщины и дѣти.

Такое положеніе рабочихъ не могло обезпечить мира и является причиной многочисленныхъ и упорныхъ волненій среди рабочихъ. Большинство изъ нихъ возникло именно вслѣдствіе чрезчуръ низкой заработной платы и даже ея отсутствія. Особенный соблазнъ въ этомъ, отношеніи составлялъ заработокъ вольнонаемныхъ рабочихъ, которые работали за тѣми же станками и машинами, а получали гораздо больше (вдвое или на одну треть). Не мало было жалобъ на чрезмѣрную продолжительность труда. Рабочіе фабрикъ Осокина, Козлова и Титова жаловались на работу въ праздничные дни и на очень большіе уроки. На фабрикѣ Вигеля по показанію самого приказчика фабрики даже дѣти работали «по понедѣльникамъ съ 1 ч. пополудни, а въ прочіе дни съ 2 и 3 часа, а кончали въ 9 часовъ пополудни». На ѣду и отдыхъ изъ этого времени имъ полагалось всего 3 часа зимой и 4 лѣтомъ. Такимъ образомъ, малолѣтнія дѣти работали зимой 15—17, а лѣтомъ 14—16 часовъ. Нерѣдко встрѣчаются жалобы на штрафы и вычеты, которыми злоупотребляли фабриканты, наконецъ на жестокое обращеніе, истязанія, неправильную отдачу въ рекруты изъ числа фабричныхъ и т. д.

Таковы причины, вызывавшія волненія, и таковы бытъ поссессіонныхъ фабрикъ. Волненія было обратно пропорціональны благосостоянію и сноскому положенію рабочихъ. Чѣмъ хуже было ихъ положеніе, тѣмъ меньше оно могло измѣниться къ лучшему, тѣмъ меньше они находили себѣ защиты, тѣмъ упорнѣе и ожесточеннѣе были волненія. Въ данномъ случаѣ нужно прямо удивляться той стойкости, съ какой рабочіе вели борьбу. На фабрикѣ Яковлева въ Ярославлѣ, напримѣръ, ра-

бочіе цѣлыхъ двадцать лѣтъ ищутъ правды и своихъ правъ. Они не останавливаются ни предъ наказаніями, ни предъ ссылкой въ Сибирь. Ихъ ходки были не разъ въ Петербургѣ, даже у государя, не разъ были сѣчены и жестоко наказаны, но рабочіе не оставляли своихъ хлопотъ. Всякій разъ они выбирали ходоковъ и тѣ такъ же самоотверженно, но бесплодно исполняли свой долгъ, какъ и ихъ товарищи. На фабрикѣ было 1048 мужчинъ и 1323 женщинъ, кромѣ вольнонаемныхъ. Рабочіе въ 1803 году не разъ жаловались въ губернское правленіе о низкой заработной платѣ. Правленіе отвѣчало, чтобы рабочіе «съ должнымъ повиновеніемъ пребывали спокойными, ожидая отъ содержателей немедленнаго разсмотрѣнія показуемаго ими», и требовало отъ ходоковъ подписки въ знакъ согласія. Посланные въ слѣдующемъ году ходоки въ Петербургъ подать прошеніе Александру I были арестованы и наказаны «для внушенія повиновенія прочимъ рабочимъ людямъ» на фабрикѣ публично. На поданную слѣдующую просьбу рабочіе получаютъ изъ Сената отвѣтъ, «чтобы впредь неосновательными жалобами высшее правительствово утруждать не отваживались, пребывали въ положеніи своемъ спокойными и въ должномъ у содержателей мануфактуры повиновеніи, въ противномъ же случаѣ подвергнутъ себя неослабному по закону наказанію». Усиленными просьбами рабочіе, наконецъ, добиваются того, что для разсмотрѣнія ихъ положенія была назначена коммиссія. Въ нее вошли... частный приставъ гор. Ярославля, городской голова и одинъ мѣстный фабрикантъ. Что можно было ожидать отъ такой коммисіи, какъ не той резолюціи, которую она вынесла—недовольство происходитъ «не столько отъ нужды, сколько отъ подстрекательства къ неповиновенію и своевольству просителей фабричныхъ». Указывая на то, что рабочіе устраиваютъ «въ работное время сходбища» и

возмущенія», комиссія находила необходимымъ удалить съ фабрики вредныхъ рабочихъ. Причемъ здѣсь было признаніе надобности повысить плату, сказать трудно; вѣроятно же всего его можно объяснить убѣжденіемъ комиссія, что этого все равно не будетъ. На новыя жалобы рабочихъ, министръ внутреннихъ дѣлъ шлетъ для разслѣдованія чиновника Бурнашева. Онъ доноситъ, что главная причина волнений—«пьянство и распутство мастеровыхъ... Праздность, въ которой люди сіи пребываютъ, ведетъ ихъ къ своевольнымъ мыслямъ,—отъ сего у нихъ бываютъ безпрестанныя сходки, совѣщанія, на которыхъ сочиняются жалобы правительству, собираются со стана деньги на хожденіе по дѣламъ». Хороша праздность людей, когда на фабрикѣ работа продолжалась 16 часовъ въ сутки. Вообще, чтобы цѣнить достойно заключенія Бурнашева, не безынтересно познакомиться съ такими же, сдѣланными имъ въ другія командировки на другія фабрики. Такъ, посланный въ 1817 году въ Казань на фабрику Осокина, Бурнашевъ доносилъ, что успокоенія не наступитъ до тѣхъ поръ «доколѣ фабричные не будутъ обращены къ повиновенію своему владѣльцу, доколѣ они не оставятъ ложнаго мнѣнія, въ умѣ поселившася, о свободѣ и доколѣ не истребленъ будетъ въ нихъ духъ своевольства».

Взгляды Бурнашева на рабочее волненіе, очевидно, такъ правилось въ Петербургѣ, что онъ всегда былъ посылаемъ, какъ только являлась въ томъ надобность. Онъ же не могъ измѣнить этого взгляда ни при какихъ обстоятельствахъ и, разбирая волненія на фабрикѣ Лазарева, доносилъ, что фабрика терпитъ «отъ господствующаго между фабричными духа своеволия и безначалія».

Возвращаясь къ фабрикѣ Яковлева, мы опять встречаемъ новыя жалобы и ходатайства, дошедшія до государя. Лишь по его настоянію вызываются депутаты отъ рабочихъ, чтобы узнать ихъ требо-

ванія. Отправляя депутатовъ, ярославскій губернаторъ принялъ строжайшія полицейскія мѣры «для возстановленія порядка», вслѣдствіе «вреднаго» воздѣйствія на рабочихъ отъ вызова депутатовъ. Надо замѣтить, что тотъ же губернаторъ отклонялъ необходимость ихъ вызова, такъ какъ «мастеровые господъ Яковлевыхъ состоятъ въ положеніи весьма выгодномъ (!) и что жалобы ихъ на скудную плату совершенно несправедливы и показываютъ склонность ихъ къ буйству и неповиновенію». Послѣ доклада показаній депутатовъ государю, владѣльцу предложено было повысить плату на 10%, на что онъ согласился повысить лишь на 7%; рабочій день былъ пониженъ до 12 часовъ въ сутки, но предоставлено право владѣльцамъ «самыхъ неисправныхъ и буйныхъ, а также главныхъ зачинщиковъ внутреннихъ беспорядковъ и учредителей скопищъ представлять во всякое время въ рекруты». Рабочіе достигли нѣкотораго улучшенія въ своемъ положеніи, но сколько силъ, энергіи они должны были потратить, сколько испытаній и мукъ они должны были перенести! Къ тому же это улучшеніе поставило ихъ подъ дамокловъ мечъ—рекрутчину.

На другой фабрикѣ—Осокина въ Казани рабочіе вели борьбу съ владѣльцами около *пятидесяти* лѣтъ, пока, наконецъ, не были отпущены на волю. Стойкость, съ которой велась эта борьба, прямо изумительна. Всѣ жалобы ихъ на жестокое обращеніе признаются «неосновательными». Ходоки, посланные къ государю, возвращаются въ кандалахъ, а одинъ изъ нихъ «претерпѣвши въ пути неограниченное мученіе, не могши снести сего, умеръ». Непрекращавшіяся жалобы заставили начальство прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости». Въ 1820 году губернаторъ одиннадцать человекъ сослалъ на Иркутскую фабрику, а остальныхъ подвергнулъ «полицейскимъ наказаніямъ»; черезъ три года 10 рабочихъ приговорены казанской палатой къ наказанію плетьюми, а один-

надцатаго къ присутствованію при наказаніи отца и его товарищей, причѣмъ отецъ былъ засѣченъ до смерти. Ему грозили тѣмъ же, если онъ не выдастъ зачинщиковъ; несмотря на это онъ товарищей не выдалъ. Наконецъ, въ 1836 году рабочіе желали подать проѣзжавшему государю жалобу; для ихъ усмиренія начальство не скупилось наказаніями—большинство было наказано розгами, а 51 человекъ были удалены съ фабрики, изъ которыхъ годные были отданы въ солдаты, а остальные сосланы въ Сибирь ¹⁾. Насколько неосновательны были требованія Осокинскихъ рабочихъ, видно изъ ихъ показаній комиссіи, гдѣ они говорятъ, что Осокинъ засѣкъ до смерти трехъ — одного въ 1814 году, двухъ въ 1826 году; 55 рабочихъ было сослано въ Сибирь на поселеніе, 14 на Иркутскую фабрику и 76 отдано въ солдаты. И за такія то «неосновательныя» и незаконныя просьбы они должны были переносить столь «основательныя» и «законныя» наказанія.

Эта борьба не ограничивалась единичными фабриками, гдѣ могли бы дѣйствительно сгруппироваться рабочіе, по выраженію Бурнашева «буйной нравственности». Нѣтъ. Волненія такія же упорныя и съ такими же жестокими исходами происходили на очень многихъ фабрикахъ. Они вызывались тѣмъ безправнымъ и безвыходнымъ положеніемъ, въ которомъ находились рабочіе.

Эти волненія раскрыли намъ во всей наготѣ ужасъ этого положенія. Всѣ кары только убѣждали рабочихъ, что только волненія и неповиновеніе могутъ обратить вниманіе правительства на ихъ положеніе. Единственная надежда у нихъ была на государя, но пословица говоритъ «до Бога высоко, до царя далеко», и волей-неволей приходилось прибѣгать къ крайнему средству—волненіямъ.

¹⁾ Туганъ-Барановскій, 141—156] стр.

Это средство было наиболѣе вѣрное. Ничто такъ не обращало вниманіе правительства и не заставляло принимать соотвѣтственныя мѣры, какъ волненія. Непосредственныя мѣры, принимавшіяся правительствомъ при волненіяхъ, какъ мы видѣли, были до крайности суровы. Шель ходила по всѣмъ, по правымъ и виноватымъ, безъ границы, если ея не видѣть въ краткомъ извѣстіи «не могли снести сего, умеръ». Очень нерѣдко употреблялись и ружья. Но эти мѣры воздѣйствія не приносили успокоенія. Это не могло быть скрыто отъ правительства, хотя ему и доносили чиновники въ родѣ Бурнашева, что всему причина распущенность и безнравственность рабочихъ. Они же рекомендовали средство усмиренія, именно привести ихъ «въ повиновеніе» владѣльцамъ. О «повиновеніи» правительство не сомнѣвалось, но вѣдь оно не прекращало волненій, а послѣднія нарушаютъ «общественный порядокъ» и что всего хуже для правительства, могутъ еще дать поводъ думать о слабости власти и возможность другимъ классамъ населенія заявлять о своихъ нуждахъ. Гдѣ же тогда пресловутое «все обстоитъ благополучно», «всѣ довольны». Вѣдь это же основная забота и утѣшеніе правительства.

Чтобы уничтожить такое противорѣчіе дѣйствительности и идеальной власти, охранительница ея спѣшитъ заглушить волненія безобидными для фабрикантовъ средствами. Министерство внутреннихъ дѣлъ, помимо министерства финансовъ, гдѣ находились фабрики, желаетъ вмѣшаться въ отношенія рабочихъ съ фабрикантами и регулировать эти отношенія; оно выступаетъ будто въ качествѣ защитника интересовъ рабочихъ. Съ этой цѣлью въ 1818 году въ министерствѣ составляется докладъ, гдѣ очень интересно характеризуется отношеніе нашего правительства къ рабочимъ. Указывая на то, «что неудовольствіе фабричныхъ людей на содержателей фабрикъ существуетъ на многихъ посессионныхъ фабрикахъ»,

докладъ объясняетъ это тѣмъ, «что со стороны правительства понынѣ еще не сдѣлано никакого положительнаго постановленія, какъ въ разсужденіи взаимныхъ соотношеній и обязанностей владѣльцевъ поссессіонныхъ фабрикъ и мастеровыхъ, такъ и насчетъ производимой задѣльной платы. Понынѣ назначеніе задѣльной платы зависитъ отъ произвола хозяина фабрики, который, не бывъ обязанъ давать по сему предмету отчетъ правительству, естественно дѣйствуетъ болѣе въ свою пользу... Сіе дѣлаетъ мастеровыхъ къ работѣ небрежными, штрафы и наказанія, за то на нихъ возлагаемые, приводятъ ихъ къ необходимости вопіянь о таковой несправедливости предъ правительствомъ..., почему и настоятъ крайняя и необходимая нужда въ сочиненіи для всѣхъ поссессіонныхъ фабрикъ Положенія»... Эти слова министерства внутреннихъ дѣлъ, съ которыми согласился самъ министръ, весьма знаменательны. По нимъ видно, что положеніе рабочихъ, лишенныхъ какихъ-либо «положительныхъ постановленій» со стороны правительства, зависитъ отъ произвола фабрикантовъ и заставляеть вопіянь къ правительству. Въ какомъ же положеніи находятся утвержденія власти, что всѣ жалобы рабочихъ «неосновательны», и всѣ жестокія мѣры, которыя они должны были переносить за эти жалобы, къ этому мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ? Какъ помирить это противорѣчіе? Очевидно, не иначе, какъ признавъ, что для поддержанія престижа власти и фабрикантовъ всѣ мѣры хороши и доступны.

Какъ бы то ни было, но министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было составлено три положенія для фабрикъ Яковлева, Осокина и Лазарева, гдѣ больше всего происходило безпорядковъ рабочихъ. Ими устанавливалась обязательная плата за каждый родъ труда, которая должна была разсматриваться черезъ каждыя пять лѣтъ. Продолжительность труда было понижена, хотя и не вездѣ одинаково; такъ, на Яро-

славской фабрикѣ работа продолжалась 14 часовъ, а у Осокина и Лазарева—12 часовъ; за прогульные дни, по винѣ фабриканта, рабочіе получали плату, какъ и за рабочіе дни. На фабрикѣ Лазарева были даже выборные изъ рабочихъ старосты для надзора за правильностью расчета. Словомъ, Положенія дѣлали большой шагъ, сравнительно съ полнѣйшимъ безправіемъ въ отношеніяхъ заинтересованныхъ сторонъ на поссессіонныхъ фабрикахъ. Подобныя положенія министерство желало ввести и на другихъ фабрикахъ, но этому благовому намѣренію не пришлось сбыться. Но прежде, чѣмъ перейти къ судьбѣ описанныхъ Положеній, мы еще разъ должны указать на противорѣчія въ дѣйствіяхъ правительства; съ одной стороны оно вводитъ институтъ старостъ, но съ другой стороны — тутъ же съчетъ, наказываетъ и ссылаетъ выборныхъ рабочихъ ходоковъ. На той же фабрикѣ Лазарева, гдѣ только что введены были Положенія, 43 рабочихъ были силой переведены на Екатеринбургскую казенную фабрику. При малѣйшихъ попыткахъ къ волненію, на фабрики вводятся солдаты и производится экзекуція. Объясненіе этому противорѣчію мы и находимъ въ поведеніи владѣльцевъ фабрикъ. Противорѣчіе неминуемо должно быть, разъ правительству были близки интересы фабрикантовъ. Всѣ наказанія являются уступкой имъ. Они были крайне недовольны вмѣшательствомъ правительства: они настолько сроднились съ мыслью о полной безотчетности въ своихъ распоряжкахъ и отношеніяхъ къ рабочимъ, что скорѣе желали лишиться самой фабрики, чѣмъ своей власти надъ рабочими. Въ 1809 году Лазаревъ, напимѣръ, подалъ комитету записку, въ которой видно, до какой степени былъ оскорбленъ онъ будто умаленіемъ его власти. «Вмѣсто того, чтобы быть обезпеченному въ правахъ моихъ, — писалъ онъ, — и въ оборотахъ къ выгодамъ моей и поддержанію въ блистательномъ существованіи столь отличной въ

государствѣ мануфактуры, вовлеченъ я въ апелляціонныя тяжбы съ крѣпостными людьми, къ фабрикамъ принадлежащими, которые, не прерывая оуиствъ своихъ, простерли дерзость свою до того, что осмѣлились утрудять Правительствующій Сенатъ нелѣпою просьбою, чтобы поступлено было со мною по силѣ указа 1803 года». Комитетъ въ просьбѣ выкупить фабрику въ казну отказалъ.

Это недовольство фабрикантовъ возымѣло свои дѣйствія на правительство, и оно скоро, въ лицѣ министерства финансовъ, выступаетъ въ защиту владѣльцевъ фабрикъ и спѣшитъ загладить отмѣченное противорѣчіе. Оно теперь совершенно перемѣняетъ свой взглядъ на Положенія. Тотъ же департаментъ торговли, который настаивалъ на введеніи Положеній, теперь говоритъ, что «сіе не только не полезно, но даже и вредно для мануфактуры, ибо черезъ оное дается фабричнымъ поводъ думать, что, кромѣ изложеннаго въ Положеніи, никакимъ уже содѣйствіемъ не обязаны они фабриканту, отчего власть фабриканта теряетъ въ ихъ глазахъ всякій вѣсъ». По мнѣнію департамента «всѣ выгоды Положенія на сторонѣ фабричныхъ, фабриканту же остаются одни убытки» и относительно фабрики Осокина онъ предлагаетъ Положеніе отмѣнить, „какъ распоряженіе, оказавшееся на опытѣ несообразнымъ цѣли и намѣреніямъ правительства и предоставить Осокину распоряжаться на фабрикѣ своей, на томъ основаніи, какое было прежде введенія сего Положенія“. Послѣднія, въ томъ видѣ, въ какомъ они были введены, и лишеныя контроля правительства, естественно, не могли успокоить волневій рабочихъ, тѣмъ болѣе, что съ ихъ введеніемъ не прекратились жестокости наказаній, въ угоду фабрикантамъ.

Съ этой точки зрѣнія департаментъ правъ, но не это было причиной отмѣны Положеній. Ее вызвали домогательства и недовольства фабрикантовъ, которыми Положенія были дѣйствительно неприятны.

Поэтому, распространеніе Положеній на другія фабрики не только не было допущено, но и не дѣлалось пересмотра, какъ полагалось, старыхъ, хотя объ этомъ не разъ просили рабочіе. Новая волна беспорядковъ на фабрикахъ заставила было кн. Голицына составить новыя Положенія для нихъ, но эта попытка имѣла еще меньше успѣха чѣмъ ограниченія дворянскими фабриками: Положенія не были утверждены. Такъ кончались всѣ попытки.

Заступничество министерства внутреннихъ дѣлъ и кн. Голицына, такъ неоправившееся фабрикантамъ, ни въ коемъ случаѣ нельзя отнести на счетъ доброжелательнаго отношенія ихъ къ рабочимъ. Правда, они всегда выступали съ болѣе либеральными проектами, чѣмъ министерство финансовъ, но это нисколько не противорѣчитъ сказанному. Дѣло въ томъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ и его представители не преслѣдовали ничьихъ интересовъ, они стремились лишь къ достиженію тишины и спокойствія, лишь съ внѣшней стороны было бы «все благополучно». Съ этой цѣлью всѣ мѣры хороши; для этого игнорировались даже интересы фабрикантовъ, если это можно сказать про Положенія. Другое дѣло министерство финансовъ. Ему нужны были постоянные источники доходовъ для государственной казны. Такимъ источникомъ была промышленность. Поэтому министерство не могло не поддерживать фабрикантовъ и ихъ жалобы на «уменьшеніе» власти. Въ данномъ случаѣ по разнымъ причинамъ правительство и фабриканты сходились въ своихъ интересахъ и совмѣстно предприняли борьбу съ волненіями и «духомъ непокорности» рабочихъ. Для достиженія единоначалія и единовластія министерство внутреннихъ дѣлъ отступило и вошло въ дѣятельный союзъ.

II.

Оставляя пока разборъ дальнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ нашего правительства для охраны труда, развитіе которыхъ неминуемо должно приостановиться послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ до тѣхъ поръ, пока у насъ еще оставался крѣпостной трудъ, мы перейдемъ къ законодательству, предпринимаемому въ заботѣ о развитіи нашей фабрично-заводской промышленности, или вѣрнѣе въ заботѣ о подысканіи рабочихъ рукъ. Такое законодательство очень долгое время обращало вниманіе правительства гораздо больше, чѣмъ законодательство по охранѣ труда рабочихъ. Оно интересно еще и тѣмъ, что часто опредѣляло положеніе и даже участь рабочихъ.

Наша промышленность, какъ извѣстно, появилась не вслѣдствіе естественной потребности въ ея продуктахъ со стороны населенія, а была создана правительствомъ. Послѣднее руководилось, какъ дѣйствительными своими нуждами (напр. въ сукнахъ для арміи), такъ и соображеніями ничего общаго съ нуждами неимѣющими. Промышленность наша безъ капиталовъ, безъ искусныхъ сколько-нибудь рабочихъ, безъ умѣлыхъ предпринимателей и, наконецъ, безъ покупателей могла держаться лишь казенными субсидіями и покровительствомъ правительства. Принявши разъ видъ топличнаго растенія, она не можетъ выйти и до сихъ поръ на вольный воздухъ, подъ открытое небо.

Озабочиваясь покупателями производимыхъ товаровъ, правительство иногда искусственно создаетъ свои нужды и всегда является крупнѣйшимъ и постояннымъ заказчикомъ. Съ той же цѣлью оно огораживаетъ всю Россію высокимъ заборомъ пошлинъ

на всѣ иностранные товары. Не меньше однако ей пришлось озаботиться доставленіемъ на фабрики рабочихъ рукъ. При существованіи крѣпостного права это было нелегкимъ дѣломъ. Правительству приходилось лавировать между двумя враждебными другъ другу классами: дворянствомъ, присвоившимъ себѣ привилегію имѣть крѣпостныхъ и купечествомъ, стремившимся создать себѣ привилегію имѣть фабрики. Правительство, впрочемъ, легко выходило изъ этого перекрестнаго огня, руководясь лишь влеченіемъ сердца и расчетами о выгодѣ. Положеніе рабочихъ при этомъ никогда не принималось въ расчетъ и оно всегда почти было страдательное.

Петру Великому первому пришлось озаботиться обезпеченіемъ рабочихъ рукъ на фабрикахъ и заводахъ. Сначала онъ хотѣлъ предоставить имъ наемный трудъ. Фабрикантамъ предоставлялось право брать къ себѣ русскихъ и иностранныхъ рабочихъ «платя имъ за труды достойную плату». Но такихъ мастеровъ оказалось очень мало и фабрики начали наполняться всякимъ сбродомъ. Тутъ было много «изъ бѣдныхъ и малолѣтнихъ, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыню», изъ «убогихъ людей». Набирались ученики изъ солдатскихъ дѣтей. Въ 1819 году предписано было отсылать на фабрики «для пряжи льну бабъ и дѣвокъ, которыя будучи въ Москвѣ изъ приказовъ, также и изъ другихъ губерній, по дѣламъ за вины свои наказаны». Скоро эта мѣра стала общей и на фабрики брались въ видѣ наказанія; преступники отбывали тамъ или извѣстный срокъ или оставались даже пожизненно. Но главный составъ рабочихъ былъ изъ бѣглыхъ крѣпостныхъ и казенныхъ крестьянъ. Въ покровительствѣ фабрикантамъ Петръ рѣшился даже нарушать права помѣщиковъ—дворянъ на бѣглыхъ. Въ 1822 году онъ запретилъ возвращать съ фабрикъ законнымъ владѣльцамъ мастеровъ, «чьи бы

они ни были, хотя и бѣглецы явятся... «понеже интересанты фабрикъ объявляютъ, что затѣмъ въ фабрикахъ ихъ чинится остановка»¹⁾. Такъ крестьяне, бѣжавъ отъ произвола помѣщиковъ, попадали «изъ огня да въ полымя».

Такой составъ рабочихъ, конечно, не могъ обеспечить ни успѣшности въ работахъ фабриканту, ни искусства и развитія нашей промышленности; онъ не удовлетворялъ фабрики и достаточнымъ количествомъ рукъ. Фабриканты не перестаютъ на это жаловаться; они говорятъ, что главнымъ препятствіемъ къ развитію промышленности является отсутствіе рабочихъ.

Выходъ изъ такого положенія скоро нашелся. Если нельзя было найти вольныхъ рабочихъ, то у правительства было много крѣпостныхъ людей, которыхъ съ успѣхомъ можно было примѣнить на фабрикахъ и заводахъ. Это было сдѣлать нетрудно: стоило только издать указъ. И вотъ 1821 года 18 января былъ изданъ такой указъ, въ силу котораго «купецкимъ людямъ» позволено было покупать села и деревни для фабрикъ, «подъ такой кондиціей, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно»; онѣ были «крѣпки фабрикъ». Такого позволенія «купецкіе люди» давно добивались. Оно вѣдь имъ давало не только многочисленныхъ работниковъ, но, что важнѣе, оно давало *дешевыхъ* рабочихъ; они получили возможность осуществить свою постоянную мечту, выражающуюся въ словахъ—количествомъ поболь, цѣною подешевле. Другой не меньше этой мечтой «купецкихъ людей» было прикрѣпить какъ-нибудь рабочихъ. Благодаря тому, что опытныхъ мастеровъ было мало, и тому, что условия труда были несносны, рабочіе постоянно убѣгали или перебѣгали съ фабрики на фабрику. Изданный указъ обезпечивалъ купцовъ и въ этомъ отношеніи и

¹⁾ Туганъ-Барановскій стр. 212.

являлся такимъ образомъ для рабочихъ своимъ «Юрьевымъ днемъ». Теперь каждаго бѣглеца ожидали суровыя наказанія, какъ за побѣгъ отъ помѣщиковъ. Насколько такой указъ былъ по сердцу «купецкимъ людямъ», видно изъ того факта, что петровскія фабрики очень быстро перешли отъ свободнаго труда къ принудительному, т.-е. образовались посессионныя фабрики, существованіе и зло которыхъ мы видѣли еще и въ 19-мъ вѣкѣ.

Указъ этотъ, однако, имѣлъ и обратную сторону, и эта обратная сторона имѣетъ весьма большое значеніе въ жизни нашего государства. Онъ не только не облегчилъ положеніе нашего крестьянства, но, закрывая ему выходъ изъ подневольнаго состоянія, надолго отодвинулъ паденіе ненавистнаго крѣпостнаго права. Приведенный указъ о бѣглыхъ могъ быть однимъ изъ путей къ освобожденію крестьянъ отъ рабскаго состоянія. И не спѣши Петръ угодить домогательствамъ фабрикантовъ, у насъ была бы промышленность со свободнымъ трудомъ. Она была бы дверью свободы, куда бы вошло много изъ крѣпостныхъ. Эта дверь не захлопнулась бы передъ ними такъ быстро, если бы правительство не защищало такъ усердно интересы господствующихъ классовъ и сколько-нибудь интересовалось положеніемъ низшихъ. Только что сказанное какъ нельзя лучше подтверждаетъ указъ отъ 1736 года. Фабрикантамъ такъ нравился принудительный трудъ, что они стали добиваться закрѣпить и тѣхъ рабочихъ, которые работали у нихъ раньше указа 1721 года и которые были еще вольнонаемными. Въ 1736 году по домогательству многихъ крупнѣйшихъ фабрикантовъ издается Высочайшій указъ, которымъ всѣ находящіяся на фабрикахъ въ моментъ изданія указа мастеровые прикрѣплялись къ своимъ владѣльцамъ «вѣчно» со всѣми семействами. Если бы трудъ этихъ вольнонаемныхъ людей былъ невыгоденъ и дуренъ, какъ утверждали фабриканты, то они свободно могли

бы отъ нихъ отдѣлаться, замѣнивъ крѣпостными. Но въ томъ то и дѣло, что имъ не хотѣлось разстаться съ опытными мастерами, съ другой же стороны ихъ нраву было прямо непривычно видѣть людей свободными, а не ихъ рабами. «Купецкіе люди» желали и получили опытныхъ, но крѣпостныхъ работниковъ, хорошихъ, но безплатный трудъ. Правительство же не додумывалось даже до мысли, что его дѣйствія есть преступленіе. Оно только сѣшило удовлетворить желанія фабрикантовъ. Намъ поэтому не удивять послѣдовавшія законодательныя и практическія мѣры, принятія въ защиту интересовъ фабрикантовъ. Послѣднимъ предоставлено въ томъ же 1736 году право наказывать «домашнимъ порядкомъ тѣхъ, которые явятся невоздержанные и ни къ какому ученію неприлежные», а равно ссылать «въ дальніе города или на Камчатку на работу, чтобы другимъ былъ страхъ». Когда же недоставало «домашнихъ порядковъ», прибѣгали къ болѣе реальнымъ орудіямъ воздѣйствія—ружьямъ и пушкамъ. Такъ въ 1752 году на фабрику Гончарова въ Малоярославецкомъ уѣздѣ взбунтовались крестьяне, присланные къ фабрику, причемъ они разбили присланную команду и даже отняли пушки. Но были присланы три полка, которые привели крестьянъ въ покорность пущенной въ ходъ артиллеріею.

Такъ пушками и ссылкой въ Сибирь водворялся у насъ крѣпостной трудъ на фабрикахъ, гдѣ порядокъ и поощреніе къ труду имѣли себѣ однихъ покровителей—наказанія.

Трудно себѣ представить, въ какомъ положеніи оказались фабричныя рабочіе при такомъ самовластіи фабрикантовъ. Исслѣдованія о причинахъ плохого качества продуктовъ промышленности, сдѣланныя при Аннѣ Леопольдовнѣ, раскрываютъ намъ нѣсколько завѣсу этой мрачной стороны фабричной жизни. Оказывается, главной причиной такого состоянія промышленности является невѣроятное по-

ложеніе рабочихъ на фабрикахъ. Ихъ одежда была настолько плоха, «что нѣкоторые изъ нихъ насилу и цѣлую рубаху на плечахъ имѣютъ»; продолжительность работъ настолько велика, что правительство находило справедливымъ ограничить рабочій день 14-ю часами въ сутки; рабочія помѣщенія такъ плохи, что «валящійся сквозь щели неплотныхъ потолковъ песокъ и соръ—людямъ работу въ рукахъ мараетъ и портитъ, полы иные не досками, ниже кирпичами или камнемъ, не высланы, а которые высланы, то гнилы»; «ткачи насилу денного свѣту имѣютъ, дабы тканье свое точно высмотрѣть, наименьше же сукну самовредительныя субтильныя худобы открывать»¹⁾. Можно себѣ представить, какъ гигиеничны были условія такой работы. О правовомъ же положеніи нечего и говорить: оно опредѣлялось приведенными указами. Вотъ къ чему привело угонничество капиталистамъ. Кому нужны были такія жертвы, какъ не капиталистамъ? Принудительный трудъ скоро оказался нисколько не лучше труда бѣглыхъ, нищихъ и преступниковъ. Однако правительство никогда самолично не рѣшалось его уничтожить, нанося тѣмъ огромный ущербъ государству и совершенно игнорируя справедливыя требованія челоуѣчности. Оно не разъ мѣняло владѣльцевъ фабрикъ и рабочихъ, но оно не считало возможнымъ вмѣшаться въ отношенія сторонъ на фабрику.

Какъ мы видѣли, Петръ сильно покровительствовалъ купечеству, нарушивъ даже права рабовладѣльцевъ-помѣщиковъ. Скоро отношенія къ нимъ измѣнились. Титулованное и родовитое дворянство выступило на арену политической жизни. Въ лицѣ гвардіи оно даже не разъ распоряжается трономъ по своему усмотрѣнію. Естественно, что въ столкновеніяхъ съ купечествомъ послѣднее терпѣло пора-

¹⁾ Туганъ—Барановскій, 29 стр.

женіе. А столкновение послѣдовало очень скоро. Дворянство уже давно стало равнодушно посматривать на доходы фабрикантовъ и давно было не прочь прибрать ихъ къ своимъ рукамъ. Къ этому нашелся неотразимый поводъ. Дворянство, чувствуя свою силу, заявляетъ, что купцы нарушаютъ ихъ священныя права: право имѣть крѣпостныхъ принадлежитъ исключительно дворянству, какъ исконная привилегія за заслуги передъ трономъ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предоставлено купечеству. Враждебность этихъ двухъ классовъ, претендовавшихъ каждый на свою привилегію, ясно сказалась въ Екатерининской комиссіи по составленію новаго уложенія. Дворяне, прикрываясь разными якобы гуманными побужденіями, желали здѣсь окончательно побѣдить фабрикантовъ. Крапивенское дворянство заявляло: «Содержатели изъ купечества разныхъ фабрикъ и заводовъ многочисленно имѣютъ за собой во владѣніи крестьянъ... живутъ они единственно въ увеселительныхъ своихъ роскошахъ и лѣнности, а остальные свои деньги уповательно давно уже съ крестьянъ работою и доходами получили». Ярославское дворянство также ссылается на положеніе рабочихъ, и говоритъ, что всѣ «бунты происходили» потому, что купцы притѣсняють крестьянъ; поэтому оно настаиваетъ на ограниченіи фабрикантовъ пользоваться лишь вольнонаемнымъ трудомъ. Подъ этой маской легко видѣть истинныя побужденія всѣхъ домогательствъ дворянъ: они заключались въ недвусмысленномъ желаніи сократить классъ купцовъ, завладѣть промышленностью и главное рабочими руками. Это ясно сказалось въ словахъ представителя Ярославскаго дворянства, кн. Щербатова. «Сохрани меня Боже,—воскликнулъ онъ,—и подумать, чтобы въ такое время, когда милость и правосудіе падаютъ на престолѣ, дворянство, *вмѣсто приобрѣтенія какихъ-либо правъ, могло что-либо изъ оныхъ утратить*». Онъ восхвалялъ вольнонаемный

трудъ для купцовъ, а дворянамъ предоставлялъ право пользоваться наемнымъ трудомъ *своихъ крестьянъ* по усмотрѣнію. Многие представители и не скрывали своихъ домогательствъ, они прямо говорили, что съ запрещеніемъ пользоваться крѣпостнымъ трудомъ для купцовъ, дворянству будетъ большая выгода, такъ какъ крѣпостные дворянъ будутъ получать большой заработокъ, а онъ, конечно, будетъ принадлежать владѣльцамъ крѣпостныхъ. Кашинскій депутат Кожинъ прямо говоритъ, что единственными фабрикантами могутъ быть лишь неслужилые дворяне.

Дворянство взяло верхъ, притомъ же ему тронъ былъ многимъ обязанъ, поэтому правительству оставалось лишь сгладить нѣсколько враждебность сторонъ и рѣзкость перехода, но его симпатіи не могли не тяготѣть на сторону дворянства. Вышедшими благодаря такому перевѣсу дворянства законодательными актами совершенно измѣняется составъ владѣльцевъ фабрикъ. Владѣльцами петровскихъ фабрикъ были почти исключительно купцы, во время же Екатерины II они замѣнились въ огромномъ количествѣ дворянами. Изъ 282 русскихъ фабрикъ въ 1775 году дворянамъ принадлежало 66, обороты которыхъ равнялись почти *третьи* оборотовъ *всѣхъ фабрикъ*. Это измѣненіе замѣтно еще больше въ началѣ прошлаго вѣка, когда изъ 98 суконныхъ фабрикъ, поставлявшихъ сузено въ казну, лишь 12 изъ нихъ принадлежали купцамъ. Происшедшія затѣмъ нѣкоторыя измѣненія, не могли повліять на завоеванныя привилегіи дворянъ и мы могли бы прослѣдить ихъ до уничтоженія крѣпостного труда.

Если дворяне имѣли большіе доходы съ фабрикъ, то не меньше они могли получать выгоды отъ запряженія купцамъ пользоваться принудительнымъ трудомъ, отпуская своихъ крѣпостныхъ на *оброки* на фабрики. Въ данномъ случаѣ они, ничѣмъ не рискуя, ничѣмъ не занимаясь, получали готовые

оброчныя деньги. Этого то они главнымъ образомъ и добивались. Насколько выгодно было для дворянъ отпускать крѣпостныхъ на оброкъ, видно изъ того, какъ упорно они не соглашались на выкупъ. Такъ, крѣпостные гр. Шереметьева нынѣшняго города Иваново-Вознесенскъ сами даже имѣли помногу крѣпостныхъ и рабочихъ, но никакъ не могли выкупиться на волю и оставались такими же юридически безправными, какъ и ихъ люди. Шереметьевы охотно отпускали ихъ на оброкъ и даже поощряли и признавали всѣ сдѣлки своихъ рабочихъ, такъ какъ брали въ свою пользу извѣстный процентъ съ пріобрѣтеннаго или проданнаго имущества. Когда же заходила рѣчь о выкупѣ, то владѣльцы или не соглашались, или требовали такую сумму, что немислимо было и думать о волѣ. До 19-го февраля изъ Ивановцевъ выкупилось всего около 50-ти крестьянскихъ семействъ, несмотря на то, что большинство изъ нихъ было богачи, однако не всѣ могли уплатить такую высокую стоимость, средняя цифра которой была *20 тысячъ рублей* за семейство.

Таковы выгоды получили дворяне, превозобладавъ купечество и отнявъ у него собственныхъ крѣпостныхъ. Какъ же отразилась эта перемѣна хозяевъ фабрикъ на положеніи крѣпостныхъ рабочихъ? Исчезли ли тѣ злоупотребленія на которыя такъ упирала дворяне въ Екатерининской комиссіи? Отвѣтъ на это читатель уже можетъ предугадать самъ потому, что мы сказали объ оброчныхъ. Дѣйствительность показала, что положеніе рабочихъ нисколько не измѣнилось. Для рабочихъ хозяева и изъ дворянъ и изъ купцовъ были одинаковы. Они были лишь вещь, которая передавалась то одному, то другому классу; имъ было безразлично, передадутъ ли ихъ на правахъ крѣпостныхъ или на правахъ оброчныхъ: положеніе оброчныхъ нисколько не было лучше положенія крѣпостнаго, пожалуй даже хуже. Оброчный рабочій имѣлъ двухъ хозяевъ—фаб-

риканта и помѣщика, изъ которыхъ каждый желалъ извлечь изъ него какъ можно больше выгоды и изъ которыхъ каждый былъ полноправнымъ господиномъ. Сохраняя всѣ свои права владыки, помѣщики присваивали еще себѣ львиную долю заработка оброчныхъ. Эта доля была настолько велика, что оброчному приходилось очень много работать, чтобы заплатить оброкъ. Благодаря этому, оброчные были очень любезны фабрикантамъ. Одинъ изъ Ивановскихъ фабрикантовъ прямо сознается, что «лучшими работниками на фабрикахъ считаются помѣщичьи крестьяне по ихъ трудолюбію и необходимости зарабатывать болѣе для своихъ домашнихъ нуждъ», т. е. для уплаты obroka.

Распоряженіе трудомъ крѣпостныхъ дворянами доходило до того, что они сами непосредственно заключали договоръ съ фабрикантами о поставкѣ рабочихъ, причемъ *весь заработокъ шелъ въ пользу помѣщиковъ*. Положеніе такихъ рабочихъ было прямо вопіющее, оно въ бѣлорусскихъ провинціяхъ было настолько плохо, что, по свидѣтельству Н. Тургенева, «вызывало состраданіе даже русскихъ крѣпостныхъ», а они должны были бы ко всему привыкнуть. «Помѣщикъ беретъ обязательство поставить—писать Тургеневъ—такое-то количество людей по установленной платѣ, а подрядчикъ обязуется кормить ихъ во время работы. Правительственные инженеры, наблюдающіе за работами, не требуютъ отъ подрядчиковъ въ пользу этихъ несчастныхъ ничего сверхъ того, что требуется для поддержанія ихъ жизни. Что же касается до денегъ, которыя получаетъ за нихъ помѣщикъ, то помѣщикъ не вмѣшивается въ это». Такимъ образомъ, рабочіе были окружены хищниками ихъ труда и ни откуда не видѣли себѣ защиты. Ни правительство, ни законъ, ни владѣльцы, ни подрядчики не могли и не желали посмотрѣть на скотское положеніе рабочихъ. А такихъ рабочихъ было очень много.

Естественно, что мы слышимъ жалобы на чрезвычайно ничтожную производительность труда такихъ рабочихъ и даже ихъ буйное поведеніе на фабрикахъ. «Отъ нихъ,—пишетъ одинъ экономистъ 40-хъ годовъ,—нельзя ожидать никакого старанія, никакого порядка; фабриканту угрожали ежеминутные побѣги, воровства, плутовскія шашни; мы слышали, что подобные работники, на которыхъ не дѣйствуютъ ни увѣщанія, ни угрозы, часто оставляли заведенія и останавливали работы въ самыя дорогія минуты». Намъ, кажется, нужно было бы удивляться, если бы этого не случилось. Ни сами ли фабриканты и помѣщики пріучили рабочихъ не бояться ни увѣщаній, ни угрозъ? Ни сами ли они поставили въ такое положеніе рабочихъ, что имъ нечего было терять, если бы самыя ужасныя угрозы приводились въ исполненіе? Ни сами ли фабриканты учили рабочихъ заводить „шашни“ и „воровства?“ На всѣ эти вопросы, одинъ можетъ быть вопросъ—утвердительный.

Само освобожденіе рабочихъ отъ крѣпостного труда, совершилось подѣ влияніемъ интересовъ отнюдь не рабочихъ, а все тѣхъ же фабрикантовъ. Для фабрикантовъ сталъ невыгоденъ подневольный трудъ, онъ, кромѣ безпокойства отъ волненій такихъ рабочихъ, ничего не давалъ. Свободныхъ рабочихъ было уже достаточное число и ихъ трудъ былъ во много разъ искуснѣе и прибыльнѣе. Благодаря этому, даже Указъ Павла, возвращавшій купцамъ право пріобрѣтать крѣпостныхъ, не имѣлъ положительно успѣха и нисколько не повліялъ на положеніе рабочихъ. Купцы воспользовались этимъ правомъ лишь для покупки помѣстій и крестьянъ, но не рабочихъ. Теперь свободный трудъ былъ предпочтительнѣе, и чѣмъ дальше, въ теченіи 19-го вѣка, тѣмъ больше. Фабриканты даже стали добиваться прямо уничтоженія подневольнаго труда. Однимъ изъ главныхъ поводовъ къ тому, явилась невозможность измѣнить родъ производства на посессионныхъ фабрикахъ.

Введеніе машинъ и появленіе новыхъ отраслей производства дѣлало это условіе очень невыгоднымъ для фабрикантовъ. По ходатайству послѣднихъ, правительство разрѣшаетъ перемѣнять родъ производства, отчего выигрываютъ фабриканты, но страдаютъ рабочіе: имъ приходилось пріучаться къ новому мастерству и тратить на это время, лишаясь заработка. Другимъ стѣсненіемъ для фабрикантовъ посессионныхъ фабрикъ, было запрещеніе уменьшать количество рабочихъ. Введеніе машинъ еще больше его увеличило и фабриканты хлопочуть о позволеніи отпустить рабочихъ по паспортамъ. Указами 1824 и 1835 годовъ разрѣшается увольненіе рабочихъ въ другія звѣнія, по просьбѣ фабрикантовъ. Послѣдніе поспѣшили воспользоваться этимъ правомъ, чтобы избавиться отъ лишнѣхъ рабочихъ. Эта мѣра настолько была благопріятна фабрикантамъ, что они согласились отпустить рабочихъ, даже безъ оброка. Посессионные рабочіе теперь являлись для фабриканта прямо бременемъ: ихъ трудъ былъ крайне непроизводителенъ, а между тѣмъ они требовали сравнять себя въ заработной платѣ съ вольнонаемными рабочими, трудъ которыхъ былъ гораздо продуктивнѣе. Опять, по просьбамъ фабрикантовъ, правительство желаетъ окончательно покончить съ посессионными фабриками. Въ 1839 году Государственный Совѣтъ рѣшаетъ ихъ уничтожить совсѣмъ. При этомъ, мотивы, выдвигавшіеся для такой рѣшительной мѣры, заключаютъ въ себѣ исключительно защиту интересовъ фабрикантовъ. Совѣтъ находитъ, что «установленныя закономъ правила о посессионныхъ заведеніяхъ не соотвѣтствуютъ настоящему положенію мануфактурной промышленности и сопряжены съ различными неудобствами, изъ коихъ главнѣйшія: 1) обязанность не уменьшать дѣйствія фабрики, не измѣнять родъ издѣлій; 2) воспрещеніе переводить посессионныхъ крестьянъ на другую фабрику; 3) ограниченіе занятій одними

фабричными работами и неопредѣленность отношеній поссессіонныхъ людей къ фабрикантамъ; 4) строгость узаконеній насчетъ фабрикантовъ, пришедшихъ въ невозможность или не желающихъ содержать фабрику (?). Такимъ образомъ, въ мотивы уничтоженія поссессіонныхъ фабрикъ вошли именно всѣ жалобы капиталистовъ и только ихъ интересы рѣшили участь тысячи рабочихъ, работавшихъ на этихъ фабрикахъ. Здѣсь же Совѣтъ откровенно заявляетъ, что нарушеніе закона о правѣ владѣть крѣпостными людьми являлось жертвой въ пользу фабрикантовъ, а что «теперь, когда и въ прошломъ народъ распространился духъ фабричной промышленности и число вольныхъ рабочихъ быстро увеличивается, удобнѣе, *едва ли не выгоднѣе для фабриканта* имѣть сихъ людей по найму, нежели держать собственныхъ и приписныхъ». Когда правительству заявляли, что подневольный трудъ губителенъ и для крѣпостныхъ, и для государства, получавшаго дорогой и гнилой товаръ, то оно не находило возможнымъ его уничтожить, но стоило заговорить объ этомъ фабрикантамъ, когда для нихъ стали «выгоднѣе» вольные рабочіе, то правительство сейчасъ же идетъ на встрѣчу этимъ выгодамъ не заботясь, что изъ этого произойдетъ. А этимъ удовлетвореніемъ «выгодъ» фабрикантовъ рабочіе отдавались опять въ жертву ихъ интересамъ. Что правительство сознавало опасность такой жертвы ясно изъ того факта, что законъ, отдававшій рабочихъ въ жертву даже не былъ опубликованъ: этого закона нѣтъ ни въ Сводѣ законовъ, изданія 1842 года ни въ Полномъ Собраніи Законовъ. По такому-то таинственному или вѣрнѣе тайному закону, изданному въ 1840 году позволялось отпускать рабочихъ въ свободное состояніе, «если фабрикантъ, имѣющій при заведеніи своемъ поссессіонныхъ людей, приписанныхъ отъ казны, либо добровольно (?) въ прежнее время приписавшихся или купленныхъ имъ, пожелаетъ *по собственнымъ*

видамъ или *расчетамъ* удалить таковыхъ людей съ фабрики, частью ли только именно ему не нужныхъ или излишнихъ, либо всѣхъ вообще, съ замѣной ихъ вольнонаемными или купленными на крѣпостномъ помѣщичьемъ правѣ». Увольняемые рабочіе были обращаемы въ свободное сословіе, съ предоставленіемъ имъ самимъ «по волѣ вступать въ городское званіе или въ государственные крестьяне, независимо отъ того, состоитъ ли фабрика въ городѣ, или находится въ селени». Это условіе свободы можно объяснить только тѣмъ, что правительство не желало создавать классъ рабочихъ и прямо ихъ боялось. Встревоженное особенно въ 1848 году оно успокаиваетъ себя тѣмъ, что у насъ «работники на городскихъ фабрикахъ почти исключительно состояли изъ приходящихъ крестьянъ, или имѣютъ у себя дома хлѣбопашество... и при остановкѣ работъ возвращаются домой. Обстоятельство сіе доказываетъ, что умноженіе у насъ фабрикъ гораздо выгоднѣе и безопаснѣе, нежели въ другихъ государствахъ, что хозяева фабрики, съ одной стороны, не могутъ имѣть столько вліянія на своихъ рабочихъ, а съ другой стороны—сіи послѣдніе *не составляютъ опаснаго цѣлага*». Только этой боязнью можно объяснить нелѣпыя требованія переходить въ горожане и, стало быть, переселяться изъ деревни въ городъ, или въ государственные крестьяне, т.-е. опять-таки переселяться изъ городовъ въ деревни. И въ томъ и въ другомъ случаѣ переселеніе было обязательно и оно то было крайне губительно для поссессіонныхъ рабочихъ. Они отлично понимали, что переселеніе для нихъ погубитъ. Поэтому они очень неохотно соглашались покинуть родную мѣстность и обзаведенныя хозяйства, особенно, когда мѣстомъ для переселенія назначалась Сибирь. Во многихъ случаяхъ они не желали подчиниться такому произволу и сопротивлялись. Такъ, напримѣръ, крестьяне купчихи Масловой пожелали выйти въ госу-

Дарственные крестьяне, но когда имъ было предложено переселиться въ Томскую губернію, они рѣшительно отказались отъ такого удовольствія и болѣе семи лѣтъ оставались въ имѣніи Масловой, неустанно подавая просьбы губернаторамъ, министрамъ и даже государю. Ихъ переселили при помощи военной силы по этану. Рабочіе кн. Гагарина резонно отказались отъ приписки въ государственные крестьяне, такъ какъ они всегда работали на фабрикѣ, совершенно отвыкли отъ сельскаго хозяйства и даже незнакомы съ нимъ, въ мѣщане же они не желали приписываться, такъ какъ имъ нужно было переселиться съ родныхъ мѣстъ. Фабричные упорствовали и ни за что не соглашались на увѣщанія начальства. Въ село были присланы казаки, которые выломали во всѣхъ домахъ печи, выставили рамы, сняли двери, а самихъ рабочихъ «подвергнули полицейскому наказанію». «Послѣ сего,—доносилъ губернаторъ,—и самые упорные изъ крестьянъ убѣдились, что дальнѣйшее сопротивленіе распоряженіямъ правительства невозможно». Еще бы!..

Былъ даже случай, что рабочіе, благодаря переселеніямъ, не пожелали свободы. Это были фрянновскіе рабочіе, которые съ отчаянной стойкостью добивались освобожденія отъ владѣльца. Такъ благодѣтеленъ былъ для рабочихъ законъ 1840 года. Нужно ли говорить, что отъ него выиграли лишь фабриканты, по проискамъ которыхъ онъ появился, а крестьяне стали его жертвой. Характерно и трагично коротенькое сообщеніе о Гагаринскихъ рабочихъ, которые послѣ «отеческихъ» дѣйствій начальства не посмѣли ему сопротивляться; оно гласитъ: «только десять семействъ выстроили себѣ дома, а остальные разошлись по сосѣднимъ фабрикамъ, не устроивши себя къ осѣдлой жизни, по бѣдному своему положенію»¹⁾).

¹⁾ Туганъ-Барановскій, 140 стр.

Такова законодательная дѣятельность нашего правительства въ 18-мъ и 19 вѣкахъ въ заботѣ о развитіи нашей промышленности и въ заботѣ о доставленіи рабочихъ рукъ фабрикантамъ. При всѣхъ его измѣненіяхъ положеніе рабочихъ было таково же, какъ и положеніе китайцевъ въ только что закончившейся войнѣ. О китайцѣ никто не заботился и имъ даже не интересовались—онъ *долженъ* былъ служить тому, кто былъ силенъ въ данную минуту и въ данной мѣстности. Всякое уклоненіе грозило ни больше, ни меньше, какъ смертью. Такое же положеніе было фабричныхъ рабочихъ въ 18-мъ и первой половинѣ 19-го вѣка. У него мѣнялись хозяева, онъ передавался изъ рукъ въ руки, но меньше всего былъ заботой тѣхъ, кому передавали и кто передавалъ.

III.

Возвратимся теперь къ развитію законодательства, которое наше правительство предпринимало по тѣмъ или другимъ причинамъ въ цѣляхъ опредѣленія отношеній фабрикантовъ и рабочихъ. Но мы заранѣе должны сказать, что всѣ такія мѣры Николаевского правительства были настолько ничтожны и нежизненны, что рабочіе совершенно не имѣли законной защиты своего труда отъ хищничества фабрикантовъ. Остановимся на наиболѣе характерныхъ или прямо курьезныхъ мѣрахъ этого времени, такъ какъ разбирать всѣ проекты и попытки правительства въ царствованіе Николая I нѣтъ никакой возможности и даже надобности, такъ какъ они, все равно, ни къ чему существенному не привели; однако и оставить ихъ совсѣмъ безъ вниманія тоже нельзя, такъ какъ въ нихъ мы находимъ много интереснаго для характеристики нашего правительства въ отношеніяхъ къ рабочему вопросу. Одной изъ такихъ попытокъ опредѣлить отношенія рабочихъ къ фабрикантамъ является проектъ кн. Голицына, московскаго генералъ-губернатора, въ 1832 году. Мы уже говорили о мотивахъ, по которымъ исходили всѣ «либеральныя» мѣры отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Эти причины время отъ времени выступаютъ съ еще большей силой, а современемъ, къ концу прошлаго вѣка дѣлаются главенствующими. На проектъ Голи-

цына, утверждаютъ, отразилась еще враждебность аграріевъ въ лицѣ чиновной аристократіи къ купечеству въ лицѣ фабрикантовъ. Что такая враждебность отношеній была—это оспаривать не приходится. Мы достаточно отчетливо ее видѣли на продолженіи болѣе, чѣмъ цѣлаго вѣка. Прямыхъ указаній на это въ проектѣ Голицына привести довольно трудно, а первый параграфъ его даже можетъ устранить такое утвержденіе, но какъ бы то ни было, а проектъ Голицына былъ до неожиданности «либераленъ» и прямо бранчивъ по адресу фабрикантовъ.

Частыя жалобы на послѣднихъ, приносимыя рабочими администраціи, объясняются въ проектѣ безпорядкомъ «въ веденіи счетовъ на заведеніяхъ и отъ несправедливостей самихъ хозяевъ, а у аккуратныхъ и честныхъ хозяевъ, говорилось въ проектѣ— и нынѣ рабочіе весьма рѣдко входятъ къ начальству съ жалобами». Для уничтоженія злоупотребленій съ расчетомъ вводились «рядные листы» и въ случаѣ отсутствія расчетныхъ книгъ на фабрикахъ, полиція сама рассчитываетъ рабочаго и удовлетворяетъ его по его собственнымъ показаніямъ. Такія мягкія, но справедливыя утвержденія и требованія подняли волненія среди фабрикантовъ. Они заявили, что ихъ оскорбляютъ и покусаются на ихъ священныя права. Нѣкоторые изъ нихъ осмѣлились заявить, что «по извѣстности имъ лицъ, имѣющихъ мануфактурныя заведенія, не было имъ даже случая узнать, чтобы мастеровые приносили жалобы на невѣрный расчетъ». Члены Петербургскаго Мануфактурнаго Совѣта находятъ проектъ «прямо оскорбительнымъ для почетнаго сословія хозяевъ мануфактуръ». Подъ вліяніемъ такого отношенія фабрикантовъ къ проекту, онъ былъ совершенно измѣненъ въ сторону, благопріятную «хозяевамъ мануфактуръ», и въ такомъ видѣ утвержденъ 24 мая 1835 года. Онъ вышелъ подъ названіемъ «Положеніе объ отношеніяхъ между хозяевами фабричныхъ заведеній и рабочими людьми,

поступающихъ на оныя по найму» и является первымъ законодательнымъ актомъ по отношенію къ вольнымъ рабочимъ. До сихъ поръ, какъ припомнитъ читатель, мы еще ни словомъ не обмолвились о какихъ-либо мѣрахъ правительства, обезпечивающихъ защиту труда этихъ рабочихъ. Такихъ мѣръ до 1835 года не было, и участь рабочихъ была ввѣрена произволу фабрикантовъ. Въ этомъ отношеніи ихъ положеніе было даже хуже, чѣмъ ужасное положеніе посессионныхъ крестьянъ. Какъ ни какъ, а хозяинъ этихъ рабочихъ былъ обязанъ доставлять имъ работу или кусокъ хлѣба, жизнь же свободныхъ всецѣло зависѣла отъ заработка, который подвергался большому риску въ годы промышленныхъ кризисовъ, когда работы всюду сокращались.

Но и новый законъ мало обезпечивалъ защиту рабочимъ. Какъ и слѣдовало ожидать, интересы фабрикантовъ превозобладали и на практикѣ. Мало того, что законъ первое время распространялся лишь на московскія и петербургскія фабрики, но его исполненіе совершенно ничѣмъ не гарантировалось. За неисполненіе закона фабрикантъ не отвѣчалъ рѣшительно ничѣмъ; не было статьи, подлѣ которую можно было бы подвести его поведеніе. Но и самъ законъ постарался оградить интересы фабрикантовъ въ ущербъ интересамъ рабочихъ. По закону рабочій не имѣлъ права оставлять работы до окончанія срока, въ какія бы условія его ни поставилъ хозяинъ, какъ бы онъ ни нарушалъ условій займа; хозяину же предоставлено право уволить рабочаго *во всякое время* и не только за какіе-нибудь проступки, но даже за «бурное поведеніе». Вполнѣ естественно, что жалобы, въ искорененіе которыхъ вводили законъ, не только не исчезли, но даже подкрѣплялись волненіями рабочихъ. Эти волненія заставляють министра финансовъ подать государю записку, въ которой признается «сколько желательно дать лучшее направленіе нравственному образованію рабочаго класса

людей на фабрикахъ и оградить ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ своевольнаго иногда (?) обращенія хозяевъ, не ослабляя, впрочемъ, власти ихъ, необходимой для порядка и благоустройства заведеній». Насколько ничтожно предполагалось «огражденіе» рабочихъ отъ «своевольнаго обращенія хозяевъ» и насколько сильно правительство боялось «ослабить» власть фабрикантовъ, показываетъ, чѣмъ закончилось все намѣреніе министерства: оно не предъявляло никакихъ требованій къ фабрикантамъ и ограничивалось лишь внушеніемъ, но и внушеніе то «члены московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта» обязаны производить съ кротостью и нужной осторожностью, дабы «не возбудить въ рабочихъ преждевременныхъ притязаній и духа неповиновенія и ропота». Не нужно даже и говорить, что эта ссылка на «притязанія и духъ неповиновенія и ропота» являлась лишь маской для того, чтобы не обидѣть фабрикантовъ и не нарушить ихъ интересовъ опредѣленнымъ законодательствомъ.

Нельзя допустить, чтобы никто изъ многочисленныхъ агентовъ правительства не дошелъ до мысли, что опасность больше всего заключается въ отсутствіи этихъ опредѣленныхъ законовъ въ отношеніяхъ рабочихъ и фабрикантовъ. Этимъ агентамъ нельзя, правда, приписать много государственнаго дарованія и таланта, однако и они иногда высказывали правильную мысль, что волненія происходятъ отъ отсутствія законовъ. Почему же они не постарались создать эти законы, а ограничивались все время лишь «внушеніями», «пріятными увѣреностями» и «прекрасными мыслями». На это мы уже дали отвѣтъ: правительство не желало нарушить интересовъ капиталистовъ. Признавая необходимость опредѣленныхъ законовъ, но не желая ихъ вводить въ жизнь, правительству оставался одинъ путь для подавленія волненій—путь суровыхъ каръ.

Этот испытанный уже путь правительство должно было и въ 1845 году, усиливая лишь мѣры воздѣйствія на рабочихъ. Въ этомъ году вводятся въ Уложение о наказаніяхъ новыя статьи, по которымъ (1791 ст.) «въ случаѣ явнаго неповиновенія фабричныхъ и заводскихъ людей владѣльцу или управляющему, оказаннаго цѣлой артелью или толпой, виновные подвергаются наказаніямъ, определеннымъ за возстаніе *противъ властей правительствомъ установленнымъ*», т. е. до каторжныхъ работъ включительно, а также впервые вводились наказанія за стачки (1792 ст.) зачинщиковъ арестомъ отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ, а остальныхъ — отъ 7 дней до 3 недѣль. Необходимость послѣдней статьи законодателью казалась настолько неотложной, что онъ не считалъ нужнымъ даже это и доказывать. Однако она столь была «необходима» и «полезна», что первый разъ судомъ была примѣнена лишь черезъ 25 лѣтъ, въ 1870 году¹⁾.

Такъ сдѣлало правительство оградить права фабрикантовъ определенными уже законодательными мѣрами. Но по какому то року всё онѣ оставались мертвой буквой: они или не отвѣчали потребностямъ жизни или мало примѣнялись на практикѣ. Такъ, въ томъ же году правительство издаетъ законъ о малолѣтнихъ, запрещающій ночную работу дѣтей моложе 12 лѣтъ. Однако «судьба этого закона, — говоритъ Туганъ-Барановскій, — кака-то странная... онъ совсѣмъ не попалъ въ Сводъ законовъ и былъ необыкновенно скоро совершенно забытъ... Повидимому, хотя онъ не былъ отмѣненъ послѣдующими законоположеніями, но никогда не соблюдался на практикѣ и былъ совершенно неизвѣстенъ правительственной власти». Такой странной судьбѣ закона едва ли нужно удивляться: она есть не-

¹⁾ С. Н. Прокоповичъ. — Къ рабочему вопросу въ Россіи. 1906 г. Спб. 47 ст.

обходимое слѣдствіе правительственнаго взгляда на рабочій вопросъ. Въдѣ на запросъ англійскаго посла существуютъ ли какія постановленія о работѣ малолѣтнихъ, наше правительство, чуть ли не съ пафосомъ отвѣчало: «Какъ въ Россіи производство фабричное еще не приняло весьма большого развитія, то на нашихъ заведеніяхъ еще не очень много работающихъ дѣтей, и въ положительныхъ законахъ о мѣрѣ работы и другихъ обстоятельствахъ еще не было настоящей надобности». Каково было бы удивленіе англичанъ, если бы они узнали, что только на 23 московскихъ бумагопрядильныхъ работало 2100 дѣтей, что работа ихъ была и днемъ, и ночью одинакова...

Когда надвинулся ураганъ революціи 48 года, правительство, новидимому, считало себя застигнутымъ врасплохъ и поспѣшило принять соотвѣтствующія мѣры. Не имѣя возможности отмѣтить здѣсь всѣхъ мѣръ, которыми правительство огораживало Россію отъ Запада и охранялось внутри страны отъ «внутреннихъ враговъ», мы отмѣтимъ лишь мѣры въ промышленной жизни. Правительство не ограничивается наказаніями за «духъ непокорности и ропота» рабочихъ, оно желаетъ теперь сократить по возможности классъ рабочихъ, чтобы удобнѣе было справляться. Съ этой цѣлью московскій генералъ-губернаторъ Закревскій подастъ государю записку, которая получила его одобреніе и въ которой Закревскій предлагаетъ запретить устройство новыхъ фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ, а существующимъ не позволять расширять своихъ предпріятій, такъ какъ «для охраненія тишины и благоденствія, какимъ въ настоящее время наслаждается одна Россія, правительство не должно допускать скопленія бездомныхъ и безнравственныхъ людей, которые легко пристають къ каждому движенію, нарушающему общественное и частное спокойствіе». Николай I сдѣлалъ на запискѣ надпись «весьма важно, сообра-

зить въ комитетѣ министровъ». Къ счастью эта мѣра не была приведена въ исполненіе благодаря протесту перепуганныхъ фабрикантовъ. Ретивая дѣятельность по «спасенію» Россіи Закревскаго не кончилась этимъ: въ своей «отеческой» заботливости онъ установилъ жизнь московскихъ рабочихъ. Его правила, регулирующія эту жизнь, чрезвычайно интересны, чтобы на нихъ не остановиться. За прогулъ цѣлаго дня на рабочаго налагался штрафъ, равный тремъ рабочимъ днямъ. Безъ разрѣшенія хозяина или конторы рабочій не могъ отлучаться отъ работы подъ страхомъ штрафа. Рабочіе обязаны возвращаться домой въ праздники лѣтомъ не позже 10, а зимой — 8-ми часовъ вечера, подъ страхомъ штрафа денного заработка. Рабочіе не имѣютъ права принимать у себя ни знакомыхъ, ни родныхъ безъ разрѣшенія хозяина или конторы ни для ночлега, ни для продолжительнаго свиданія, подъ страхомъ штрафа въ размѣрѣ трехдневной заработной платы. То же наказаніе ожидало рабочихъ за храненіе чужого имущества, денегъ и прочее. Запрещается рабочимъ курить, заводить кулачные бои и другія игры и шутки, приносить вино, употреблять бранныя и неприличныя слова подъ страхомъ штрафа въ пользу доказчика въ 50 к. и исправительнаго наказанія со стороны полиціи. Рабочіе обязаны ходить по всѣмъ праздникамъ въ церковь: виновные въ неповиновеніи сего подвергались штрафу въ 10 к. въ пользу бѣдныхъ и 5 к. въ пользу доносчика. До какой степени беззастѣнчивости дошли фабриканты и правительство въ самовластныхъ распорядахъ въ жизни рабочихъ, раскрываетъ намъ статья въ официальномъ органѣ министерства финансовъ, принадлежавшая нѣкоему фабриканту Жукову и рекомендовавшаяся министерствомъ, «какъ достойный подражанія примѣръ». Для отвращенія рабочихъ «отъ порчи нравовъ» на фабрикѣ Жукова рабочимъ ввѣнялось въ обязанность по истеченіи нѣсколькихъ

лѣтъ «непремѣнно отпирать въ домъ свой въ деревнѣ, подъ опасеніемъ высылки съ фабрики. «Эта мѣра по мнѣнію Жукова», приноситъ нравственности рабочихъ величайшую пользу, потому что посредствомъ ея фабричный 1) не перестаетъ сознавать себя крестьяниномъ, 2) поддерживаетъ съ благочетомъ обязанность сына, мужа и отца, 3) не прилѣпляется къ столичной роскоши, 4) возобновляетъ въ деревнѣ понятіе о необходимости непрерываемаго труда и умѣренности въ пищѣ, питіи и одеждѣ (1), 5) вообще приноситъ изъ деревни примѣры покорности, смиренія и оодренія, являя себя довольнымъ и счастливымъ въ настоящемъ своемъ положеніи на фабрикѣ». Въ праздники рабочіе должны «быть у обѣдни; послѣ обѣдни, отлучаясь со двора, имъ не позволено ходить ни поодиночкѣ, ни толпами, для того, чтобы въ первомъ случаѣ всякій изъ нихъ имѣлъ свидѣтеля своему внѣ фабрики поведенію, а въ послѣднемъ случаѣ большинство партіи не могло внушить имъ ни малѣйшей мысли о превосходствѣ передъ кѣмъ бы то ни было въ силѣ физической. Если же, по приказанію моему, и отпавляются куда рабочіе въ значительной числѣ, то всегда сопровождаетъ ихъ или старшій, или приказчикъ». За поведеніемъ рабочихъ учрежденъ самый строгій законъ «дѣлающій извѣстнымъ всякія добрый и худой поступокъ рабочаго». Раскрытіе проступковъ поощряется всѣми средствами. Доносчикъ «непремѣнно вознаграждается или единовременной выдачей суммы, соразмѣрно важности открытія (доноса), или прибавкой жалованья». Въ результатѣ такого режима, доавляетъ самодовольный Жуковъ, рабочихъ его фабрики легко отличить по ихъ «скромной и довольной физиономіи, а болѣе по той готовности и осторожности, съ которыми уступаютъ они дорогу проходящимъ». Читатель навѣрное думаетъ, что мы выписываемъ изъ какого-нибудь юмористическаго журнала плохого тона. Нѣтъ, не изъ юмористики мы

выписываемъ, а изъ дѣйствительной жизни, изъ официальнаго органа нашего правительства. Здѣсь нѣтъ мѣста юмору, здѣсь только «ужасъ и безуміе».

До такой степени растлѣнія нравственности рабочей среды, когда каждый шпионитъ за сосѣдомъ и получаетъ за это «мзду», до такой степени попранія человѣческихъ правъ на свободу передвиженія, на свободу даже мысли — можно только дойти при томъ безправіи, въ которомъ находилась судьба рабочихъ, при томъ покровительствѣ капиталистамъ, которымъ они, мы видѣли, пользовались со стороны правительства вслѣдствіе потребностей казначейства, имѣвшаго большую доходную статью въ крупной промышленности и вслѣдствіе боязни передъ «духомъ неповиновенія и ропота» рабочихъ, боязни за свою власть.

IV.

Нарисованная Жуковымъ фабричная идиллія, конечно, возможна лишь при существованіи крѣпостнаго права и отсутствіи фабричнаго законодательства; мы говоримъ отсутствіи потому, что единственный законъ о свободныхъ рабочихъ 1835 года не имѣлъ никакого практическаго значенія, а всѣ послѣдовавшіе проекты и комиссіи, по составленію законовъ, отличались лишь многочисленностью, но ни въ коемъ случаѣ какимъ-либо значеніемъ для рабочихъ. Такое положеніе продолжалось довольно долго, именно до 1882 года. Съ этого года начинается новая эра фабричнаго законодательства. Переходя къ этому времени, мы встрѣчаемся съ новыми явленіями въ промышленной жизни. Однимъ изъ важнѣйшихъ новинъ ея являются забастовки рабочихъ, предупредить которыя такъ спѣшило правительство еще въ 1845 году. Это явленіе, во многихъ случаяхъ, вызывало и опредѣляло законодательную дѣятельность правительства. Другимъ явленіемъ былъ раздоръ въ самой средѣ фабрикантовъ; какъ увидимъ ниже, правительству приходилось не разъ считаться съ этимъ раздоромъ и нерѣдко быть въ очень затруднительномъ положеніи. Чтобы яснѣе представить законодательныя мѣры правительства, связанныя съ забастовочнымъ движеніемъ рабочихъ, мы изложимъ ихъ въ хронологической послѣдовательности, отдѣльно

отъ другихъ мѣръ, которыми богаты послѣднія десятилѣтїя.

Великій день, 19-е февраля 1861 года, окончательно покончилъ съ крѣпостнымъ трудомъ. Неоцѣнимый для всей Россїи, этотъ день мало внесъ новаго въ жизнь фабричныхъ рабочихъ: къ этому времени уже мало было фабрикъ съ принудительнымъ трудомъ; но къ этому времени, съ большей необходимостью, выдвигался вопросъ объ отношенїяхъ свободныхъ рабочихъ къ фабрикантамъ. Онъ ждалъ своего законодательнаго разрѣшенїя. Мы видѣли, что съ нарушенїемъ закона 35-го года рабочїе были совершенно беззащитны—внѣ закона. Съ уничтоженїемъ же посессионныхъ и помѣщичьихъ рабочихъ, они стали больше чувствовать общность интересовъ и сознательнѣе ихъ защищать. Такъ возникла забастовка. Первая забастовка, которую мы можемъ прослѣдить, по извѣстїямъ печати, была въ 1870 году, хотя, несомнѣнно, стачки были равьше. Наибольше крупная забастовка въ этомъ году происходила на Невской бумагопрядильнѣ, въ Петербургѣ. Для насъ интереснѣе всего въ ней исходъ: онъ какъ бы предопредѣлялъ таковыя же и на будущее время. Стачечники были преданы суду и осуждены: 53 чело-вѣка аресту на 3 дня, а выборные — на 7. Это наказанїе, по сравненїю съ послѣдующими, можетъ показаться ничтожнымъ, но мягкость эту надо отнести на «либеральность» времени, съ исчезновенїемъ которой измѣнилась и эта мягкость. Присуждая къ наказанїю забастовщиковъ, судъ руководился тѣмъ, что «наказуемость стачекъ рабочихъ обусловливается требованїями общественнаго благоустройства и благочинїя». Въ этомъ взглядѣ нѣтъ ничего новаго. Мы его видѣли въ концѣ 18-го и все время прошлаго вѣка, при волненїяхъ на посессионныхъ и помѣщичьихъ фабрикахъ: на «требованїя общественнаго благочинїя», правительство ссылалось всякій разъ, когда оно желало защитить прїязнанїя фабрикан-

товъ, «требованїями общественнаго благочинїя» объясняло оно свои суровыя мѣры и въ нихъ имѣло себѣ опору. Лишь такимъ своеобразнымъ взглядомъ на забастовки можно объяснить Высочайшее повелѣнїе губернаторамъ отъ 1870 года, которымъ забастовавшїе рабочїе лишались суда. Губернаторамъ было предоставлено «при первомъ извѣстїи о стачкѣ рабочихъ, на какомъ-либо заводѣ или фабрикѣ, *«не допуская дѣло до судебнаго разбирательства, немедленно, по обнаруженїи главныхъ зачинщиковъ между фабричными, высылать таковыхъ въ одну изъ назначенныхъ для того губерній».* Въ слѣдующемъ году это право распространено и на ремесленниковъ. Трудно предвидѣть было административный разгулъ, къ которому привело это Высочайшее повелѣнїе, и невозможно иначе объяснить его, чѣмъ это мы сдѣлали выше. вмѣстѣ съ тѣмъ, это была не единственная точка зрѣнїя правительства на забастовки. На нихъ смотрѣли еще, какъ на *«вымогательство, «которое не можетъ быть безъ взысканїя».* «По всестороннемъ (?) обсужденїи вопроса о стачкахъ,—писалось въ одной правительственной комиссїи,—комиссїя пришла къ тому убѣжденїю, что на стачки рабочихъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на вымогательство, которое не можетъ быть безъ взысканїя... Прекращенїе рабочихими работъ, съ цѣлью вынудить хозяина на уступку, противная добровольно заключенному договору, заключаетъ въ себѣ всѣ признаки вымогательства и принужденїя, за исключенїемъ употребленїя въ дѣло угрозы физической силою... Въ силу этихъ соображенїй, комиссїя признала необходимымъ развить постановленїя о наказанїяхъ, усиливъ наказанїе за тѣ изъ стачекъ, которыя представляются особенно опасными». Этотъ взглядъ и его послѣдствїя, ясно каждому, диктовался все тѣмъ заступничествомъ интересовъ капиталистовъ. Комиссїя прямо говорила: «прекращенїе работъ грозитъ остановкою дѣйствїй всей фабрики, ставитъ фирму въ невозможность

удовлетворить заказамъ, заставляетъ платить огромную неустойку и можетъ довести заведеніе до положительнаго разоренія», т-есть, другими словами, очень невыгодно для фабрикантовъ. Практически такой взглядъ приводитъ къ «рѣшительнымъ мѣрамъ».

Послѣ вспыхнувшего въ 1872 году забастовочнаго движенія, наказанія усиливаются и 318 статья дополняется слѣдующимъ пунктомъ: «Виновные въ принадлежности къ сообществу имѣющему цѣлью «возбужденіе вражды между хозяевами и рабочими, а равно возбужденіе къ устройству стачекъ» подлежатъ наказанію, отъ заключенія въ крѣпость на 8 мѣсяцевъ до лишенія всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылки на жигѣ въ Сибирь». Примѣненіе этой статьи и разныхъ административныхъ мѣръ не заставило себя ждать. Несмотря на раскрытый произволъ и злоупотребленіе со стороны фабрикантовъ, несмотря на то, что правительство само знало объ ихъ, наказанія сыпались на рабочихъ очень обильно, а «зачинщики» и «главари» ссылались въ Архангельскую губернію и Сибирь. Такъ, съ завода Юза въ 1875 году было выслано 15 человѣкъ «главарей» въ Архангельскую губ., съ фабрики Коншина въ томъ же году 5 человѣкъ и т. д. Примѣровъ можно было бы привести безъ конца; можно сказать, что рѣдкая стачка кончалась безъ примѣненія этой статьи или административныхъ воздѣйствій. А между тѣмъ положеніе рабочихъ было прямо вопіющее: у нихъ не было закона для охраны труда ихъ и забастовки являлись единственнымъ средствомъ къ самозащитѣ. Правительство же вмѣсто того, чтобы оградить рабочихъ отъ злоупотребленій, стремилось единственно къ тому, чтобы подавить эти забастовки. Оно желаетъ даже ихъ предупредить, но не законодательствомъ о трудѣ, а административными мѣрами и взысканіями съ рабочихъ. Съ этой цѣлью оно разрѣшаетъ въ 1878 году «общей полиціи и жандармскимъ чинамъ свободный доступъ

на всѣ фабрики и заводы во всякое время, съ тѣмъ, чтобы обыски на нихъ или аресты кого-либо были производимы въ присутствіи завѣдывающаго фабрикою или заводомъ». Съ той же цѣлью оно привлекаетъ и самихъ хозяевъ фабрикъ, которымъ такъ милостиво было подарено право присутствовать при арестѣ и въ которыхъ правительство чувствовало хорошихъ и вѣрныхъ союзниковъ. Въ 1879 году генералъ-губернаторъ Юго-Западнаго края издалъ обязательное постановленіе, по которому «хозяева фабрикъ и заводовъ, а равно кредиторы, администраторы и проч. обязаны неуклонно наблюдать за недопущеніемъ въ среду рабочихъ распространителей вредныхъ политическихъ ученій. Въ случаѣ же появленія такихъ лицъ, управленіе фабрикъ обязано немедленно задерживать ихъ и доносить о томъ полиціи. За недонесеніе полиціи о появленіи въ заведеніи злонамѣренныхъ людей, виновные въ томъ лица подвергаются, по усмотрѣнію мѣстнаго губернатора, взысканію, въ административномъ порядкѣ, денежнаго штрафа въ размѣрѣ до 500 рублей». Такъ какъ фабриканты сами не могли всюду шпионить по чисто физическимъ причинамъ, то имъ дано право учреждать спеціальныя должности полицейско-сыскаго свойства на свой счетъ. А чтобы еще больше подкупить фабрикантовъ, Лорисъ-Меликовъ отождествляетъ ихъ интересы съ интересами всего государства. Въ Государственномъ Совѣтѣ онъ говоритъ, что «злоумышленники, стремящіеся къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя, постоянно возбуждаютъ рабочихъ противъ наемателей, объясняя первымъ отношенія ихъ къ хозяевамъ въ совершенно превратномъ смыслѣ».

¶ Мы не можемъ здѣсь прослѣдить забастовочнаго движенія, но мы должны указать, что оно все болѣе и болѣе развивалось. Движеніе теперь получало болѣе осмысленный характеръ и протекало болѣе организовано. Рабочіе все болѣе сознавали, что улучше-

ніе ихъ положенія зависить исключительно отъ нихъ самихъ, что у нихъ нѣтъ защитниковъ. Дѣйствительность вполне подтверждала это сознаніе. Полуофициальный органъ—«Московскія Вѣдомости» вполне отражая взглядъ правительства, писалъ послѣ огромной забастовки на Морозовской фабрикѣ въ Орѣховѣ-Зуевѣ, что «никакого рабочаго вопроса у насъ слава Богу нѣтъ, но если такое положеніе дѣлѣ, такая слабость (?) и безотвѣтственность (властей?) будутъ продолжаться, то явится пожалуй и рабочій вопросъ. Нельзя уже не видѣть, что населеніе возвращается вслѣдствіе слабаго дѣйствія власти. Своеволие начинаетъ входить въ права и обычаи. Потрава, покосы, порубки, безпрестанныя нарушенія условій, самоуправства и дебошъ сдѣлались обычными явленіями. вмѣсто справедливой и строгой расправы послабленія рядомъ съ жестокостью»... Если уже «Московскія Вѣдомости» находили въ дѣйствіяхъ правительства жестокости, то читатель можетъ быть спокоенъ, что никакихъ «послабленій» не могло даже и быть. Однако забастовки возымѣли свои послѣдствія. Благодаря имъ былъ изданъ законъ 1886 года, о которомъ мы будемъ говорить ниже. вмѣстѣ съ тѣмъ усилились мѣры, преслѣдовавшія забастовки. Были введены новыя статьи закона, подробно разсматривающія всѣ виды участія въ забастовкахъ и воздающія «комуеждо» по заслугамъ. всѣ они подтверждались и добавлялись циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 1897 года, гдѣ рекомендуется «безусловно воспрещать всякія сходки рабочихъ и выяснять защитниковъ этихъ сборищъ, подвергая послѣднихъ аресту, если сходки собрались съ цѣлью уговора къ стачкѣ или забастовкѣ. Въ случаѣ возникновенія стачки назначить забастовщикамъ кратчайшій срокъ стать вновь на работу или получить расчетъ и, по истеченіи этого срока, всѣхъ неставшихъ на работу иногороднихъ рабочихъ удалить безотлагательно въ мѣста родины или

приписки. Во всѣхъ случаяхъ стачекъ или забастовокъ рекомендуется преимущественное направленіе дѣлѣ въ порядкѣ положенія объ охранѣ». Эти заключительныя слова особенно замѣчательны: всякій знаетъ, что такое «охрана» въ русской жизни. Она выдумана правительствомъ для того, чтобы распоряжаться надъ русскими гражданами безъ суда и всякаго слѣдствія. Она порождаетъ такія «обязательныя постановленія», какое, напримѣръ, издалъ харьковскій губернаторъ въ 1903 году. Въ немъ вмѣняется въ обязанность фабрикантамъ въ случаѣ появленія «злонамеренныхъ лицъ» «немедленно увѣдомлять о томъ полицію, стараясь не упускать ихъ изъ-подъ своего наблюденія и по возможности сохранять доказательства преступленій, каковыми могутъ быть запрещенныя книги, рукописи и т. п.».

Таковы «законныя» мѣры правительства съ забастовками. Однако онѣ не остановили забастовочнаго движенія, а напротивъ, оттягивая нормальное разрѣшеніе требованій жизни, лишь его усиливали. За отсутствіемъ у насъ вѣрныхъ и полныхъ свѣдѣній о забастовкахъ мы принуждены ограничиться показаніями по этому вопросу фабричныхъ инспекторовъ. По ихъ отчетамъ за текущее десятилѣтіе забастовки представляются въ слѣдующемъ видѣ: во второй половинѣ 1900 года стачекъ было 77 съ участіемъ 20,281 рабочимъ, въ слѣдующемъ году стачекъ было 121 при 29,854 участникахъ и въ 1902 году—123 при 32,134 рабочихъ. Какъ видите, забастовки увеличивались не только въ числѣ, но въ количествѣ участниковъ; онѣ все больше и больше привлекали рабочихъ, несмотря на всѣ суровыя мѣры «охраны». А за послѣдніе годы мы встрѣчаемъ никогда раньше въ Россіи не употреблявшіяся стачки, именно *всеобщія*, перешедшія въ 1905 году въ политическія.

Въ этой борьбѣ правительства противъ стачекъ интересно очень одно явленіе: правительство

все время отрицаетъ у насъ существованіе рабочаго класса, существованіе его специальныхъ нуждъ, а между тѣмъ именно ему-то и приходится вести упорную борьбу противъ рабочаго класса и съ громогласными заявленіями о его нуждахъ. Все рабочее движеніе оно старается свалить на отдѣльныхъ лицъ, на враговъ отечества, на агитаторовъ, злостныхъ крамольниковъ и т. д. и т. д. Въ своемъ заблужденіи оно не желало слушать и вѣрить, что никакіе «крамольники», никакіе «внутренніе враги» не могутъ имѣть успѣха тамъ, гдѣ для нихъ не подготовлена почва, гдѣ ихъ слова не могутъ находить неоспоримыхъ подтвержденій и въ силу этого не восполнять сердца слушателей. Казалось бы, что это—азбучная истина, а между тѣмъ ее не понимаетъ правительство. Даже въ объясненіи движенія 9-го января оно не оставляетъ этой ложной точки зрѣнія. Въ сообщеніи о немъ министра финансовъ и петербургскаго генералъ-губернатора мы находимъ мнѣніе, что рабочіе были слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ «злонамѣренныхъ лицъ», не сознавшимъ, «что именемъ рабочихъ заявлены требованія, ничего общаго съ ихъ нуждами не имѣющія». Эту точку зрѣнія объ агитаторахъ правительству все же пришлось перенести. Раньше оно много десятилѣтій утверждало, что у рабочихъ нѣтъ никакихъ нуждъ, а что все дѣло лишь «злоумышленниковъ», «въ превратномъ смыслѣ», по выраженію Лорисъ-Меликова, объяснявшихъ отношенія рабочихъ къ хозяевамъ, теперь же оно отбрасываетъ нужды рабочихъ (не признаетъ, а оставляетъ открытымъ вопросъ) и утверждаетъ, что русскимъ рабочимъ «чужды политическія идеи», что у рабочихъ еще нѣтъ «политической зрѣлости». Этому утвержденію какъ нельзя больше противорѣчатъ дѣйствія самаго же правительства. Имъ же 29 января прошлаго года повелѣно образовать знаменитую комиссію Шидловскаго «для безотлагательнаго выясненія при-

чинъ недовольства рабочихъ въ С.-Петербургѣ и его пригородахъ и изысканія мѣръ къ устраненію таковыхъ въ будущемъ». Такое полное противорѣчій заявленіе правительства 9-го января. Оно говоритъ: «8-го января свящ. Гапономъ была составлена и *распространена* петиція отъ рабочихъ на Высочайшее имя, въ коей рядомъ съ положеніями объ измѣненіи условій труда *были изложены дерзкія требованія политическаго свойства*». Но тутъ продолжаетъ: «Въ рабочей средѣ былъ распушенъ слухъ и распространены нисѣмныя заявленія о необходимости собраться на Дворцовой площади; въ этихъ слухахъ и заявленіяхъ о требованіяхъ политическаго характера умалчивалось и большинство рабочихъ вводилось въ заблужденіе о цѣли созыва на Дворцовую площадь». Какъ помирить это противорѣчье о распространеніи «дерзкихъ требованій политическаго свойства» и «умалчиваніи о требованіяхъ политическаго характера»? Гдѣ же были *распространены* эти требованія? Вѣдь не среди же полицейскихъ... Едва ли послѣ декабрьскихъ событій правительство будетъ настаивать на своемъ взглядѣ, хотя оно и продолжаетъ ловить «агитаторовъ» и «зачинщиковъ», хотя оно еще ссылается на «внутреннихъ враговъ». Но этотъ внутренний врагъ, судя по тѣмъ мѣрамъ, которыя принимаются противъ дѣйствительныхъ враговъ, вся Россія.. вѣдь она почти вся объявлена на военномъ положеніи, которое нужно для *врага*.

Обратимся опять къ мѣрамъ воздѣйствія нашего правительства на забастовщиковъ. Когда въ началѣ прошлаго года немного улеглось забастовочное движеніе въ Петербургѣ, полиція тотчасъ открыла свои «дѣйствія». Такъ, на Путиловскомъ заводѣ директоръ Смирновъ желалъ составить списокъ членовъ въ 200—150, которыхъ надо было уволить; но списка составлять не пришлось, такъ какъ его составила уже полиція. Такіе списки составлялись

всюду и несомненно въ связи съ ними находится массовый «выбздъ» рабочихъ на родину. Еще болѣе рѣшительныя дѣйствія полиціи были съ депутатами отъ рабочихъ, выбранныхъ въ комиссію Шидловскаго, который гарантировалъ имъ, что «никто изъ избранныхъ въ комиссію представителей рабочихъ не подвергнется преслѣдованію за откровенность въ дѣловыхъ сужденіяхъ». Однако это не помѣшало послѣ отказа депутатовъ участвовать въ бюрократическихъ грѣхахъ, приставу 3-го участка Александровской части, вызвать трехъ выборщиковъ, и безъ всякаго повода съ ихъ стороны нанести имъ побои и всячески глумиться, насмѣшливо называя ихъ депутатами, негодяями, мерзавцами и т. п. «Такия мѣры» по изысканію недовольства рабочихъ были настолько многочисленны, что союзъ инженеровъ обратился къ Шидловскому, требуя отъ него, какъ долга, «немедленно же вступить въ защиту неприкосновенности личности довѣрившихся рабочихъ». Начавшаяся расправа надъ рабочими въ началѣ года продолжалась до конца и продолжается въ наши дни. Описать всю дикость, жестокость и бессмысленность этой расправы не въ нашихъ силахъ. Эта расправа всякому памятна по личнымъ ощущеніямъ или разсказамъ очевидцевъ; такія мѣры не сглаживаются изъ памяти десятилѣтіями и остаются позорнымъ пятномъ на истории народа. По выраженію «Русскихъ Вѣдомостей» объ этой расправѣ «можно подуматъ, что назначенъ всероссійскій конкурсъ на полученіе преміи за наибольшее незаконіе... Кровавый туманъ, нависшій въ послѣдніе мѣсяцы надъ Россіей, настолько притупилъ наши нервы, что исчезла возможность реагировать на всѣ извѣстія, возмущаться ими. Да и дѣйствительно, какими словами можно выразить чувства, которыя должны вызывать такое «водвореніе порядка». Это уже не правосудіе даже по законамъ военнаго времени, это — «безуміе и ужасъ»...

Все же мы не можемъ не отмѣтить новаго явленія въ дѣйствіяхъ правительства. Объявленная 17-го октября конституція, какъ извѣстно, ни словомъ не обмолвилась о забастовкахъ. Всѣ недочеты этого акта правительствомъ объясняются спѣшностью его составленія, поэтому мы должны искать истиннаго взгляда на забастовки въ позднѣйшихъ дѣйствіяхъ и актахъ правительства. Дѣйствительно, скоро въ газетахъ появились сообщенія, что въ комитетѣ министровъ обсуждается законопроектъ или скорѣе временныя правила о свободѣ стачекъ. Скоро эти извѣстія были подтверждены правительственными сообщеніями, а затѣмъ и выходомъ этихъ «временныхъ правилъ». Эти правила вышли подъ заголовкомъ «временныхъ правилъ о наказуемости наиболѣе опасныхъ проявленій въ забастовкахъ». Этотъ заголовокъ весьма интересенъ; уже по нему видно, что наказуемость стачекъ теперь не существуетъ, есть только наказуемость «наиболѣе опасныхъ проявленій». Изъ текста правилъ видно, что правительство считаетъ наиболѣе опаснымъ «прекращеніе занятій въ предпріятіяхъ, имѣющихъ общественное или государственное значеніе, а равно въ учрежденіяхъ правительственныхъ». «Возникшія такимъ образомъ забастовки, по мнѣнію правительства, наносятъ ущербъ самымъ жизненнымъ интересамъ страны и угрожаютъ гибельными послѣдствіями ея населенію». Итакъ, правительство какъ будто рѣшается допустить стачки и этимъ будто измѣняетъ свою политику. Однако это толкованіе не отвѣчаетъ истинѣ. Правительство *только измѣняетъ тактику*. Оно сознало, что необъятнаго нельзя объять, и поэтому рѣшило сузить поле своей дѣятельности. Ему не совладать со всѣмъ забастовочнымъ движеніемъ и оно рѣшается сосредоточить свои силы на политическихъ стачкахъ. А такими стачками являются забастовки — почты, телеграфа, байковъ и правительственныхъ учреждений. Забастовки же на эко-

номической почвѣ оставляются безъ вниманія, на произволъ судьбы или фабрикантовъ. Теперь нелѣпо было бы говорить, что экономическія стачки угрожаютъ «общественному спокойствію и порядку», когда повсюду происходитъ *политическое* движеніе. Рабочее движеніе теперь такъ же почти исключительно политическое, а потому правительство ничего не теряетъ, допустивъ экономическія забастовки; за то у него концентрируются силы; оно теперь разрываетъ союзъ съ капиталистами, такъ какъ отъ нихъ ему не ждуть больше выгоды, а преслѣдованіе экономическихъ забастовокъ становится не подъ силу.

Мѣры же воздѣйствія на забастовку еще болѣе усилились и распространились. Раньше усиленно карались «подстрекатели» и «зачинщики», теперь же одинаково караются всѣ служащіе учрежденія. Это объясняется опять-таки тактическими соображеніями. Рабочихъ всѣхъ не посадишь въ тюрьму, а служащихъ легко перехватать всѣхъ и ничего не стоитъ посадить нѣсколько десятковъ или сотенъ. За то имъ увеличено наказаніе: всѣ участники забастовки наказываются тюрьмой отъ 4 мѣсяцевъ до одного года и 4 мѣсяцевъ, кромѣ удаленія отъ должности. Къ этому надо прибавить, что агитація въ пользу стачки карается даже тогда, когда забастовка и не произошла. Словомъ, мы имѣемъ дѣло все съ тѣмъ же взглядомъ правительства, который оно проводило два столѣтія, который не останавливался, а развивалъ забастовочное движеніе и, наконецъ, вслѣдствіе котораго было столько пролито слезъ и крови... Правительство до сихъ поръ не научилось, что забастовка есть дѣло всего народа, въ ней выливается страстное желаніе народа и рабочихъ своихъ экономическихъ и политическихъ правъ.!

Таково забастовочное движеніе и русское законодательство о немъ. Если забастовки вызывали и руководили соответствующими законодательными

актами, то нельзя сказать, чтобы послѣдніе руководили забастовочнымъ движеніемъ. Оно, какъ рѣка, не признавало никакихъ преградъ на своемъ пути и стремилось единственно къ своей конечной цѣли. Въ борьбу вводились все новыя и новыя силы, съ теченіемъ времени измѣнялся ея лозунгъ, пока, наконецъ, русскій народъ не созналъ, что побѣда не можетъ быть одержана до тѣхъ поръ, пока нѣтъ свободы, пока Россія находится во власти самодержавной бюрократіи.

В.

Прослѣженные только что десятилѣтія [богаты законодательными актами въ области отношеній рабочихъ и фабрикантовъ. Намъ уже приходилось о нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминать. Прежде чѣмъ перейти къ ихъ характеристикѣ, мы должны нѣсколько познакомиться съ подготовительными моментами и выяснитъ положеніе рабочихъ за это время, чтобы намъ болѣе было ясно, насколько тотъ или другой законъ отвѣчалъ нуждамъ времени. Надо сознаться, что съ опредѣленными законодательными мѣрами мы долго ни встрѣтимся. На протяженіи почти 40—50 лѣтъ правительство не могло приступить къ такому шагу. Его дѣятельность ограничивалась безконечными комитетами, комиссіями, да проектами. Самое характерное и важное для всѣхъ нихъ то, что не одинъ проектъ не получилъ силу закона, ни одна комиссія не могла сказать, что ея дѣятельность не потрачена даромъ и что она сколько-нибудь значила; всѣ проекты замѣнялись другими, такъ же безрезультатными, а на мѣсто старой комиссіи возникала новая, чтобы въ свою очередь быть замѣненной. А между тѣмъ сама жизнь вошляла о законодательствѣ; особенно тяжело было положеніе малолѣтнихъ. На однѣхъ петербургскихъ бумагопрядильныхъ изъ 8209 работниковъ было 616 въ возрастѣ 8—14 лѣтъ. На шести фабрикахъ дѣти ра-

ботали днемъ и ночью, а гдѣ работа была дневная, тамъ она продолжалась 14 часовъ въ сутки. «Дѣти показывали, что въ послѣдніе часы работы, къ вечеру, они бывають до того утомлены, что работаютъ безсознательно, едва держатся на ногахъ и, возвращаясь домой, не въ силахъ бывають ужинать, а спѣшатъ скорѣе заснуть». Эти дѣти «блѣдны, имѣють видъ изнуренный, малы ростомъ, такъ что 11 и 12-лѣтнимъ, пробывшимъ два — три года на фабрикѣ, часто на видъ нельзя дать болѣе 7—8 лѣтъ». Выработанные правила въ комиссіи при спб. генералъ-губернаторѣ были одобрены петербургскими фабрикантами, но не тотъ пріемъ ихъ ожидалъ за его предѣлами. Прикрываясь грубой лестью и якобы заботой одѣлать, многіе фабриканты отклонили эти правила. Хлудовы, наприимѣръ, заявили, что «дѣти, лишась заработковъ на фабрикахъ, не принесутъ своимъ родителямъ никакого матеріальнаго пособия. будутъ пребывать во вредной для ихъ возраста праздности и разстроять свое здоровье, находясь, вмѣсто свѣтлаго и здороваго помѣщенія фабрики, въ душной атмосферѣ своей избы» (1). Фабрикантъ Пиловъ протестовалъ противъ ограниченія работы малолѣтнихъ во имя «свободы народнаго труда». Дальше, кажется, итти некуда... Особенно рѣшительный отпоръ со стороны фабрикантовъ встрѣтило желаніе ввести фабричную инспекцію. «Фабрика есть домъ трудолюбія—говорили они—ночная ревизія фабрикъ похожа на слѣдствіе и можетъ подать поводъ къ всевозможнымъ притѣсненіямъ со стороны ревизоровъ и даже матеріальнымъ ушербамъ (?) со стороны фабриканта... Подъ именемъ фабрикъ и заводовъ слѣдуетъ также разумѣть домъ, квартиру, гостиницу, судно, корабль и проч., гдѣ законъ охраняетъ спокойствіе трудяшагося, отдыхающаго, ликующаго гражданина, знатнаго и незнатнаго, богатаго и бѣднаго. Что же такое фабрика и фабрикантъ. Невжели они суть мѣсто беззаконія и лич-

ность, требующая внезапныхъ преслѣдованій?» Почему же фабриканты ни словомъ не обмолвились, когда было дано право, какъ мы видѣли, общей полиціи и жандармеріи входить на фабрики и производить не только обыски, но даже и аресты?!

Правительство Александра II-го, первоначально намѣтившее широкія и либеральныя реформы, желало провести таковыя и въ жизни труда. Назначенная съ этой цѣлью, комиссія Штакельберга такъ и начала дѣло. Но всѣ мѣры, намѣченныя ею, встрѣтили сопротивленіе среди фабрикантовъ, а правительство не посмѣло настоять на своемъ, а скоро и само отступило отъ прежней политики. Такимъ образомъ, фабриканты всегда брали верхъ; въ своемъ сопротивленіи они подкупали правительство призывомъ къ патриотизму и запугивали неминуемой, якобы, гибелью отечественной промышленности. Въ данномъ случаѣ, образчикомъ всѣхъ отзывовъ, можетъ служить мнѣніе биржевика Найденова. «Столь крупный переворотъ, — говоритъ онъ, — можетъ безспорно причинить въ промышленномъ дѣлѣ большія затрудненія... замѣна малолѣтнихъ взрослыми повлечетъ за собою неминуемо чувствительное увеличеніе стоимости обработки, и тѣмъ повліяетъ на цѣну самихъ произведеній, въ интересахъ иностранной конкуренціи». И такъ, петербургскіе фабриканты разошлись съ московскими и провинціальными; они расходились и позже, иногда прямо требуя реформы. Требования эти исходили, конечно, изъ ихъ собственныхъ выгодъ, такъ какъ они не могли конкурировать съ московскими фабрикантами. Однако, эти требования заставляли нѣсколько интересоваться правительство рабочимъ вопросомъ. Къ этому прибавилось забастовочное движеніе, которое, въ свою очередь, очень беспокоило правительство. Благодаря имъ, наконецъ, перваго іюня 1882 года появился законъ, запрещавшій работу малолѣтнимъ, до 12-тилѣтняго возраста. Это былъ первый законъ прави-

тельства новаго времени, на который рѣшилось оно черезъ 25 лѣтъ, по возбужденіи вопроса о малолѣтнихъ. По закону, работа малолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 12 до 15 ти была допущена лишь въ количествѣ 8-ми часовъ въ сутки; ночная и праздничная работа воспрещена. Вотъ и все, что говорилъ законъ. А чтобы не очень «разорить» фабрикантовъ, правительствомъ допускались въ теченіе *двухъ* лѣтъ *отступленія* отъ него. Это все, что считало возможнымъ правительство сдѣлать для охраны труда рабочихъ, чтобы не нарушить хорошихъ отношеній съ фабрикантами.

Насколько эта мѣра исчерпывала нужды рабочихъ, мы можемъ судить, разсмотрѣвъ ихъ положеніе къ этому времени. Мы имѣемъ очень много данныхъ вѣрныхъ и объективныхъ, чтобы полностью представить себѣ это положеніе. Прежде всего бросается въ глаза неограниченность власти, которую фабриканты имѣли надъ рабочими, и безправіе послѣднихъ. Янжулъ такъ характеризуетъ эти отношенія: «хозяинъ фабрики — неограниченный властелинъ и законодатель, котораго никакіе законы не стѣсняють, и онъ часто ими распоряжается по своему; рабочіе ему обязаны «безпрекословнымъ повиновеніемъ», какъ гласятъ правила одной фабрики ¹⁾». Поэтому, естественно, фабриканты были крайне недовольны и даже удивлены, что кто-то другой можетъ ихъ контролировать или предписывать законы. Вотъ какъ приняли, по словамъ Янжула, фабриканты законъ 1882 года. «Равнодушіе и неповиновеніе нашими промышленниками полезности собираемыхъ данныхъ такъ велико, что уже по одному этому содержаніе новаго закона о малолѣтнихъ не дошло до ихъ свѣдѣнія... Изъ трехъ фабрикантовъ г. Коломны — одинъ получилъ законъ, но «не успѣлъ про-

¹⁾ Янжулъ. — Фабричный бытъ Моск. губ. Спб. 1884 года, 83 стран.

честь» въ теченіе трехъ недѣль; другой совсѣмъ забылъ о его полученіи; потомъ оказалось, что онъ «затерялся» и не былъ прочитанъ, третій не получалъ и ничего не слышалъ о новомъ законѣ. Случались нерѣдкіе примѣры, что фабриканты, роскошно говорившіе по французски, ничего не знали и не слышали про законъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Одинъ фабрикантъ въ февралѣ 1883 года «еще не удосужился его прочесть» и содержанія совершенно не зналъ. Приходилось ему даже сталкиваться съ неприятностями; такъ, одинъ фабрикантъ, ознакомившись съ закономъ, отнесся «не только недоброжелательно къ самому закону и ко мнѣ, какъ его представителю, но даже неприязненно къ самой попыткѣ правительства вмѣшиваться — де въ ихъ отношенія къ рабочимъ». «Случалось также, что нѣкоторые фабриканты и директора пронизировали по поводу введенія въ дѣйствіе закона и мѣръ контроля; причемъ прямо даже указывали на возможность тѣхъ или иныхъ уловокъ для избѣжанія закона. Наконецъ, другіе выражали свое твердое убѣжденіе, что дѣло никогда не дойдетъ до конца и что правительство непременно-де отмѣнитъ законъ ранѣе вступленія его въ силу, что правительство слишкомъ будто бы и безъ того покровительствуетъ интересамъ рабочихъ, забывая фабрикантовъ, которые терпятъ и безъ того-де большія неудобства и неприятности»¹⁾. Равнодушіе, вражда, недоброжелательное отношеніе, желаніе обойти, насмѣшки — вотъ чѣмъ былъ принятъ первый фабричный законъ со стороны фабрикантовъ, при всей своей незначительности. Купечество до того считало себя безнаказаннымъ владыкой, до того привыкло къ потворству со стороны правительства, что было убѣждено, что законъ не будетъ имѣть никакой за собой обязательной силы.

¹⁾ Янгуль. — Фабричный бытъ Моск. губ. Спб. XVII—XIX.

Благодаря такому положенію дѣтскій трудъ эксплуатировался невѣроятнымъ образомъ.

Малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ былъ очень большой процентъ; такъ, до 10 лѣтънаго возраста на рогожныхъ фабрикахъ Московской губерніи было 8,6%; на стеклянныхъ заводахъ 6,5%; на обойныхъ — 5,3%. Дѣтей отъ 10 до 12 лѣтъ процентность поднималась еще больше: встрѣчаются 12,6%, 8,5%, 8,4%, 6,6%, а 4% почти повсюду. Еще выше процентъ малолѣтнихъ отъ 12 до 15 лѣтъ; здѣсь онъ доходитъ нерѣдко до 20,2% и не спускается ниже 4—6%. Причемъ на химическихъ фабрикахъ, химически-лаковыхъ и красильно-отбѣльныхъ дѣтей въ общей сложности работало не меньше 10%. Эта цифра чрезвычайно велика, если принять во вниманіе всю опасность, которой подвергается дѣтскій, еще неокрѣпшій организмъ, отъ химическихъ выдѣленій и реакцій. Количество дѣтей на фабрикахъ Владимірской губерніи колеблется приблизительно въ тѣхъ же нормахъ; но что никакъ нельзя пройти молчаніемъ—это огромный процентъ дѣтей на спичечныхъ фабрикахъ, именно 55,5%—это на заведеніяхъ, считающихся самыми вредными по своему производству. И на такихъ-то дѣти составляютъ болѣе половины всѣхъ рабочихъ. Вообще трудъ дѣтей на фабрикахъ подвергалъ ихъ всегда опасности для здоровья и даже для жизни. «Малолѣтнимъ,—говоритъ Песковъ,—приходится постоянно быть въ напряженномъ состояніи, ибо ни прядильныя каретки, ни ватера ни на минуту не останавливаются, — и всѣ операциі малолѣтній продѣлываетъ во время хода машинъ. Вслѣдствіе этого ему приходится безпрерывно бѣгать отъ одного мѣста къ другому и нагибаться, слѣдя за тѣмъ, чтобы при малѣйшей оплошности не быть раздавленнымъ кареткой». Вслѣдствіе пыли отъ хлопчатой бумаги у $\frac{1}{3}$ дѣтей Песковъ нашелъ «глаза и вѣки красными отъ воспаления и трахомы». Самыя чесальныя машины «на

льнопрядильныхъ фабрикахъ, какъ и на другихъ, представляютъ собою одну изъ очень опасныхъ машинъ, такъ какъ онѣ заключаютъ въ себѣ множество открытыхъ, такъ называемыхъ, вальансовъ, очень часто служащихъ причиною несчастныхъ случаевъ. Между тѣмъ на этихъ то именно машинахъ весьма много сравнительно работаетъ малолѣтнихъ¹⁾. На многихъ фабрикахъ малолѣтніе работаютъ одинаковую работу, что и большіе; они работаютъ и ночью, и на тѣхъ же ставкахъ, что и взрослые, конечно, получая втрое меньшую плату, но подвергаясь тѣмъ же вычетамъ и штрафамъ. Такъ, на осмотровыхъ Песковымъ механическихъ ткацкихъ онѣ насчиталъ малолѣтнихъ до 203 ткачей. Надо принять во вниманіе трудность работы за станками, чтобы понять всю силу эксплуатаціи дѣтей.

Къ сожалѣнію, намъ приходится ограничиться только настоящими данными, такъ какъ у насъ нѣтъ мѣста для болѣе подробной картины положенія дѣтскаго труда. Однако мы не можемъ не остановиться на вопросѣ, о продолжительности дня. По свидѣтельству Пескова, «ситце-печатныя фабрики обыкновенно работаютъ только днемъ и при томъ, въ силу установившагося уже издавна запроса на выработываемый ими товаръ, по *четырнадцати* часовъ въ сутки». Но дѣти повсюду работали одинаково со взрослыми. «Какъ общее правило, могу сказать утвердительно — пишетъ Янжуль, — является отсутствіе различія въ продолжительности работы и чередованіи смѣны между взрослыми и малолѣтними обоюго пола». При этомъ изъ 158 московскихъ фабрикъ, осмотровыхъ Янжуломъ, — на 97 работа происходитъ только днемъ, а на 61 — *днемъ и ночью*; продолжительность на этихъ фабрикахъ, въ

¹⁾ П. А. Песковъ. — Фабричный бытъ Владим. губерніи. С.-Пб. 1884 г. 44—47 стр

среднемъ числѣ «нужно считать *12 1/2* часовъ; но встрѣчаются нерѣдко случаи, что работы продолжаются свыше 14 часовъ и даже выше *шестнадцати* до *восемнадцати*. Такая работа происходитъ *постоянно* на рогожныхъ фабрикахъ (гдѣ процентъ дѣтей всѣхъ возрастовъ очень великъ) и періодически въ ситцевыхъ, въ отдѣленіяхъ въ красильномъ, на барабанахъ, въ складномъ и набивномъ корпусахъ. Праздничныхъ отдыховъ наши рабочіе имѣютъ гораздо меньше, чѣмъ на Западѣ. Но если принять во вниманіе, что «воскресная работа составляетъ явленіе совсѣмъ даже *нерѣдкое*», то продолжительность дня рабочихъ увеличится до невѣроятныхъ и нигдѣ несуществующихъ размѣровъ.

Такое было положеніе въ немногихъ словахъ малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ къ тому времени, когда появился первый (если не считать законъ 45 года) актъ, регулирующий ихъ трудъ. Во многихъ мѣстностяхъ фабриканты согласились на введеніе закона, такъ какъ къ этому времени развился промышленный кризисъ и фабриканты были рады отдѣлаться отъ лишнихъ рабочихъ, но и при этомъ условіи мы видѣли, какъ была встрѣчена попытка правительства вмѣшаться въ ихъ отношенія къ рабочимъ. Въ давномъ случаѣ кризисъ способствовалъ осуществленію насущной потребности жизни. Условія дѣтскаго труда, помимо преступленія по отношенію къ нимъ самимъ, приносили невознаградимый ущербъ всей странѣ, истощая народное здоровье въ первыхъ ступеняхъ развитія челоувѣческаго организма.

Однако дѣйствительность показала, что согласіе фабрикантовъ на законъ было не полное и временное, вызванное кризисомъ. Мы сейчасъ же наталкиваемся на нарушеніе закона, какъ только миновалъ кризисъ. Даже за послѣдніе года, послѣ 25-лѣтней дѣятельности фабричной инспекціи, мы встречаемъ массовыя нарушенія. По даннымъ фабричныхъ

инспекторовъ въ среднемъ въ годъ происходитъ 356 случаевъ нарушенія закона. Эту высокую цифру нельзя не отнести насчетъ «мягкости» отношенія инспекторовъ къ фактамъ нарушенія; мягкость эта прямо переходитъ въ попустительство и бездѣтельность. Лишь 12 процентовъ всѣхъ нарушеній нашло себѣ защиту въ видѣ привлеченія къ отвѣтственности виновныхъ.

Если бы наше правительство ограничилося этимъ закономъ по охранѣ рабочаго труда, то можно было бы сказать, что оно ровно ничего для этого не сдѣлало. Однако сама дѣйствительность вопіяла къ правительству, а дѣйствія фабрикантовъ были таковы, что не встрѣчали сочувствія даже въ официальныхъ сферахъ. Фабричные инспектора раскрыли такія условія труда, отъ которыхъ нельзя было не прийти въ ужасъ. Это вполне естественно. Мы видѣли, что всѣ попытки правительства не привели ни къ чему. Единственно, на что согласились фабриканты—это на расчетныя книжки или листы. Содержаніе же этихъ книжекъ наполнялось единоличной волей фабрикантовъ, причемъ лишь дѣлался видъ, будто это содержаніе является обоюднымъ соглашеніемъ сторонъ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, предположить «добровольность» соглашенія рабочихъ на тѣ правила и распорядки, которые помѣщались въ расчетныхъ книжкахъ, вывѣшивались на стѣнахъ фабрикъ и которые давали возможность неисчерпаемымъ злоупотребленіямъ? На нѣкоторыхъ фабрикахъ, на примѣръ, внесено въ правила, что контора можетъ немедленно расчитать и отпустить рабочаго, «когда захочетъ», въ то время какъ рабочіе обязаны заявить за двѣ недѣли или даже за мѣсяць (!) о своемъ уходѣ; на многихъ фабрикахъ установлены вычеты за оставленіе работъ ранѣе срока. Вообще штрафы и вычеты являются самымъ мрачнымъ явленіемъ и позорнымъ пятномъ на фабрикантахъ. «Крайній производъ въ назначеніи штра-

фовъ, — говоритъ Янжуль, — а слѣдовательно и безконтрольное распоряженіе заработкомъ рабочаго достигаетъ *маловѣроятныхъ размѣровъ*: на двухъ, на примѣръ, фабрикахъ Подольскаго уѣзда рабочіе штрафуются за уходъ до срока въ размѣръ 10 рублей; эти фабрики штрафуютъ въ той же суммѣ даже въ томъ случаѣ, если сами рассчитываютъ рабочаго. Вообще же поводы и размѣры нигдѣ не установлены точно; нерѣдко въ «добровольныхъ» соглашеніяхъ помѣщается фраза: «замѣченные въ нарушеніи фабричныхъ правилъ штрафуются по усмотрѣнію хозяина». Эти «усмотрѣнія» были настолько обширны, что на примѣръ ухитрялись предусмотрѣть штрафы въ 14 случаяхъ по поводу нарушенія тишины и чистоты; имъ предусматривалось пѣніе на дворѣ фабрики позднѣе 9½ часовъ штрафомъ въ размѣръ 5 рублей; налагалось, на примѣръ, наказаніе «если кто изъ рабочихъ мальчиковъ будетъ заводить драку или битыя на кулачки—для перваго раза штрафъ 3 рубля»¹⁾ Всѣхъ этихъ поводовъ и всей «предусмотрительности» хозяевъ невозможно даже перечислить. Гораздо интереснѣе посмотрѣть, чѣмъ объясняется такая предусмотрительность. Оказывается, очень простымъ явленіемъ. Всѣ штрафы съ рабочихъ поступали въ распоряженіе хозяина; общая сумма ихъ нерѣдко достигала нѣсколькихъ тысячъ (!) рублей и являлась немалой доходной статьёй. Такова неразборчивая въ средствахъ наша отечественная промышленность. А чтобы лучше обезпечить себѣ эту доходную статью, фабриканты опять прибѣгали къ «добровольному» согласію рабочихъ; всѣ штрафы, признавалось, дѣлались съ «добровольнаго» согласія безъ судебного процесса, по распоряженію конторы и рабочіе, «добровольно» подчинявшіеся условіямъ «права жалобы на это не имѣютъ».

¹⁾ Янжуль 75—82 стр.

Не въ лучшихъ условіяхъ была и выдача заработной платы. Въ разчетныхъ книжкахъ очень рѣдко ставились сроки ея выдачи; обыкновенно же она выдается не чаще одного раза въ мѣсяцъ или даже еще рѣже. Лишь въ четырехъ случаяхъ изъ 181 плата выдавалась аккуратно еженедѣльно. На 29 фабрикъ полная расплата производилась лишь одинъ разъ въ годъ, а бывали фабрики, гдѣ совершенно не выдавалась плата на руки рабочимъ, — и если нужны деньги для уплаты податей, то отсылались прямо въ волостное правленіе. Посмотримъ, для чего это дѣлали фабриканты и къ чему приводили такіе порядки? «Не имѣя цѣлый годъ денегъ, — говоритъ Янжуль, — или имѣя весьма мало, въ неопредѣленные сроки, рабочій не можетъ ими располагать для всѣхъ нуждъ по собственному усмотрѣнію и, пользуясь широкимъ кредитомъ фабричной лавки, въ предѣлахъ своего заработка, не только не очищаетъ часто къ концу года никакой суммы въ свою пользу, но даже входитъ въ неоплатные долги хозяину». При отсутствіи правильной расплаты «рабочій не только не можетъ распредѣлить какъ слѣдуетъ свои издержки и побуждается ко многимъ непроизводительнымъ, неблагоприятнымъ затратамъ, но никогда не можетъ выйти изъ полнѣйшей зависимости отъ своего хозяина». Каждую вещь при такомъ положеніи, которая нужна для рабочаго, онъ можетъ получить лишь или отъ своего хозяина, или черезъ его посредство, т. е. съ новымъ торговымъ барышомъ для хозяина и съ огромной переплатой за продукты для себя. Вотъ въ какіе экономическіе тиски и кабалу заключили фабриканты «свободныхъ рабочихъ», когда была уничтожена кабала крѣпостного права.

Не знаемъ, можемъ ли мы говорить о санитарныхъ условіяхъ труда на фабрикахъ того времени, послѣ приведенныхъ злоупотребленій, которымъ подвергалось священное право рабочихъ на получение

«кровнаго заработка», и когда понятіе о гигиенѣ при работахъ у насъ и до сихъ поръ еще далеко не усвоено всѣми, отъ кого она зависитъ, когда она и теперь имѣетъ себѣ многочисленныхъ враговъ. Лишь для полноты картины мы скажемъ нѣсколько словъ о санитарныхъ и другихъ условіяхъ рабочихъ и жилыхъ помѣщеній. О рабочихъ помѣщеніяхъ мы уже говорили при описаніи труда малолѣтнихъ, ограничимся лишь однимъ — двумя характерными примѣрами: Вотъ суконная фабрика Сувиорова; на ней, *«какъ и на многихъ другихъ»* «въ красильныхъ воздухъ до того насыщены парами, что въ ней во время осмотра ничего нельзя было видѣть, — и я двигался по красильнѣ ощупью, какъ бы съ завязанными глазами. При этомъ машины разставлены очень тѣсно и ремни скрещиваются во всѣхъ направленіяхъ: проходъ крайне затруднителенъ и несчастье легко возможно безъ всякой вины со стороны рабочаго». Интересно припомнить, что фабриканты всегда ссылаются на безопасность и невнимательность рабочихъ, обусловливающихъ де несчастные случаи. Вотъ химическій заводъ Лепешкина; «удушливые газы въ отдѣленіи, гдѣ приготавливаютъ оловянные соли, настолько сильны, что для непривычнаго человѣка дѣлаютъ невозможнымъ пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Въ отдѣленіи, гдѣ готовятъ ртуть, единственною предосторожностью при этой страшно ядовитой операциі служитъ завязываніе рта у рабочихъ, и не только нѣтъ никакихъ болѣе вѣрныхъ и безопасныхъ приспособленій, но въ томъ же самомъ отдѣленіи, лишь черезъ дверь, живетъ семья одного рабочаго»¹⁾. Кажется, довольно этихъ примѣровъ, чтобы, при ихъ общности для другихъ фабрикъ, сказать, что условія труда и жилищъ на фаб-

¹⁾ Янжуль, 122—123 стр.

рикѣ были не только «неудовлетворительны», но возмутительны.

Въ виду такого положенія рабочихъ нельзя было не привѣтствовать послѣдовавшихъ законодательныхъ мѣръ, послѣ закона 1882 года о малолѣтнихъ. Наибольше важнымъ изъ нихъ является воспрепятствованіе ночныхъ работъ для женщинъ и подростковъ, достигшихъ 17-ти лѣтняго возраста, послѣдовавшее въ 1885 году. 3-го іюня слѣдующаго года былъ изданъ еще болѣе важный законъ о надзорѣ за фабриками и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ, который обнималъ почти всѣ главныя стороны фабричныхъ отношеній. Законъ регулируетъ порядокъ заключенія и прекращенія договоровъ о наймѣ рабочихъ, сроки выдачи и форму заработной платы (запрещаетъ расплату купонами, хлѣбомъ, товарами и другими предметами, условія положенія штрафовъ, правила внутренняго распорядка и т. д. Чтобы обезпечить исполненіе закона, усиливалась фабричная инспекція и учреждаются губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія, съ судебной властью и правомъ издавать обязательныя постановленія. Чтобы оцѣнить эти акты, недостаточно еще перечислить ихъ главныя статьи, нужно знать, какими побужденіями руководился законодатель, чего онъ желалъ ими достигъ и, наконецъ, какое примѣненіе они нашли себѣ на практикѣ.

Говоря о побужденіяхъ нашего правительства въ данномъ случаѣ, мы едва ли можемъ разсчитывать, чтобы они были направлены въ добрую сторону по отношенію къ рабочимъ и даже, вообще, чтобы они могли измѣниться противъ тѣхъ, которыми двигалось все законодательство о рабочихъ. И если бы мы думали иначе, мы глубоко бы ошибались. Отчетъ по Государственному Совѣту за 1886 годъ достаточно насъ убѣждаетъ въ этомъ. «Волненія въ средѣ фабричныхъ Моск. и Влад. губ.—говорится въ отчетѣ, и произведенныя ими беспорядки съ очевидностью

раскрыли многія неприглядныя стороны фабричнаго быта, причемъ причины, вызвавшія эти беспорядки не имѣли вовсе случайнаго характера, а обуславливались неправильными отношеніями между фабрикантами и рабочими... Возникающее отсюда раздраженіе противъ фабрикантовъ при трудности для темнаго люда отыскивать законнымъ образомъ защиту своихъ правъ истоянно поддерживало въ рабочихъ склонность искать возстановленія этихъ правъ путемъ стачекъ и беспорядковъ, сопровождавшихся грубымъ проявленіемъ своеволя и насилия. Кроме того, накопляющееся постепенное недовольство въ средѣ фабричныхъ рабочихъ дѣлаетъ эту арену доступною къ воспріятію преступныхъ ученій, направленныхъ къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго строя». Итакъ, необходимость фабричнаго законодательства объясняется еще большей нуждой сдѣлать рабочую среду «недоступною къ воспріятію преступныхъ ученій». Не правда-ли, это все тотъ же лейбъ-мотивъ всѣхъ мѣръ нашего правительства? А гдѣ же защита капиталистовъ, спросить читатель, стало быть она не играла роли въ появленіи на свѣтъ закона 1886 года? Но читатель напрасно беспокоится. Въ томъ же отчетѣ Государственнаго Совѣта онъ можетъ прочесть слѣдующее: «Положеніе вещей естественно влекло за собой весьма вредныя послѣдствія для успѣховъ промышленности и *прямо отразилось на фабрикантахъ*, ведущихъ дѣло добросовѣстно. Не имѣя возможности соперничать съ лицами, удешевляющими выдѣлку произведеній путемъ притѣсненій рабочихъ, такія фабрики должны были сокращать обороты, уменьшать производство и т. д.»¹⁾

Вотъ и защита фабрикантовъ; она на этотъ разъ выразилась въ формѣ уравненія среди нихъ самихъ, устраняя возможность конкуренціи. Самъ законъ по-

¹⁾ Отчетъ по Госуд. Совѣту въ 1886 г. Слб.

явился по инициативѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. И такъ ничто не измѣнилось — мотивы и дѣятели остались тѣ же. Мы не можемъ здѣсь входить въ подробный разборъ закона, но нельзя пройти молчаніемъ наиболее интересныхъ и важныхъ его мѣстъ. Однимъ изъ такихъ мѣстъ является заботливость правительства въ поддержаніи дисциплины и авторитета фабрикантовъ. Во имя ихъ фабриканту предоставляется неограниченное право производить съ рабочихъ того, неправильно взысканная (ст. 145 и 151). Кроме того, неправильно взысканная деньги съ рабочихъ, признано, не подлежатъ возвращенію. Государственный Совѣтъ въ Соединенномъ Департаментѣ руководился въ данномъ случаѣ тѣмъ, что возвращеніе «неправильно взысканныхъ суммъ не только вызоветъ со стороны рабочихъ огромное число домогательствъ и жалобъ въ надеждѣ на возможность обратнаго полученія взысканныхъ денегъ, но до известной степени *ослабитъ въ ихъ глазахъ самое значеніе*, которое имѣется въ виду присвоить завѣдующему фабрикой, въ видахъ поддержанія въ средѣ рабочихъ дисциплины»¹⁾. Такъ видами «поддержанія дисциплины» нарушалась неприкосновенность частной собственности въ законѣ 1886 года. Тѣми же причинами объясняетъ законодатель неравенство отвѣтственности за нарушение договора о наймѣ. (За самовольный уходъ рабочему грозитъ арестъ одного мѣсяца, а за увольненіе рабочаго фабрикантъ подлежитъ лишь гражданской отвѣтственности). Личную отвѣтственность рабочаго министерство внутреннихъ дѣлъ объясняло будто тѣмъ соображеніемъ, что «недостаточное обезпеченіе, при исполненіи договора личнаго найма на фабрикахъ, можетъ иногда угрожать общественному порядку и спокойствію. Въ виду этого привлеченіе рабочаго самовольно оставившаго работу, къ личной отвѣт-

¹⁾ Русская Мысль 1905 года, кн. XI, стр. 97.

ственности составляетъ мѣру, оправдываемую цѣлями государственными, охраненіе которыхъ лежитъ на обязанности правительства». Это нарушеніе права и законодательное безправіе выдается за законъ потому, что по убѣжденію правительства уходъ съ фабрики рабочаго угрожаетъ «общественному порядку». Даже трудно объяснить, какимъ образомъ можно сопоставлять «государственные цѣли» съ правомъ рабочаго, напримѣръ, убирать въ деревнѣ сѣно, послѣдній хлѣбъ, или хоронить своего отца, навѣстить больную жену и проч., и проч. А вѣдь именно таковы въ большинствѣ причины преждевременнаго ухода рабочихъ, если не считать злоупотребленія фабрикантовъ. Не огражденіе ли ихъ называло министерство внутреннихъ дѣлъ «государственными цѣлями». Дѣйствительно, слѣдующія цифры показываютъ, насколько уходъ до срока вызывается не злымъ умысломъ, а необходимостью. Изъ 20 тысячъ рабочихъ Иваново-Вознесенска за 6 лѣтъ за самовольный уходъ обвинялось всего 143 человека; изъ нихъ на май, іюнь и іюль падаетъ 116 случаевъ, а ноябрь — январь — ни одного. Эти цифры вполнѣ подтверждаютъ наши слова о необходимости быть на сельскихъ работахъ въ случаѣ ухода работника, болѣзни отца, брата и т. п. Еще болѣе убѣдительно намъ говорятъ приговоры судовъ по жалобамъ о самовольномъ уходѣ. Оказывается, въ 1900 году судъ могъ признать виновными лишь 11% всѣхъ привлеченныхъ фабрикантами рабочихъ, а уходъ остальныхъ 88,7% признанъ законнымъ.

Чтобы быть послѣдовательнымъ, министерство внутреннихъ дѣлъ должно бы теперь объявить, что именно такіе приговоры расшатали «общественный порядокъ».

Посмотримъ теперь, насколько законъ отвѣчаетъ той нуждѣ въ защитѣ рабочихъ отъ эксплуатаціи фабрикантами, необходимость которой мы видѣли выше? Какъ новый законъ оградилъ рабочихъ отъ

злоупотребленій съ заработной платой, злоупотребленій не имѣвшихъ конца? И оградилъ ли онъ отъ нихъ? Ограждающихъ заработную плату статей въ законѣ очень много. Во всѣхъ нихъ такъ и пестрятъ слова: «рабочій имѣетъ право», «завѣдующимъ воспрещается», «недозволяется», и проч., но нѣтъ только одного слова—отвѣтственности. А въ этомъ словѣ вся сила другихъ словъ и вся сила закона. Вѣдь запрещать-то я сколько угодно могу, но если за нарушение моего запрещенія никто не несетъ отвѣтственности или наказанія, то и запрещенія мои не будутъ имѣть ровно никакого значенія. Правда, законодатель предоставилъ право рабочему «требовать судебнымъ порядкомъ расторженія договора, если онъ не получалъ въ срокъ причитающагося ему вознагражденія». Неужели можно думать, что этимъ правомъ ограждены интересы рабочихъ и обезпечена правильность расчета? Нисколько. На этотъ счетъ у нашего народа сложилась печальная поговорка, вѣрно характеризующая его отношеніе къ суду; она говоритъ: «съ сильнымъ не борись, а съ богатымъ не судись». И дѣйствительно, гдѣ же рабочему судиться съ фабрикантомъ. Но если бы онъ и могъ судиться, вѣдь онъ теряетъ мѣсто, лишается куска хлѣба; до новаго мѣста ему надо на что нибудь жить, а онъ и такъ задолжалъ за тотъ срокъ, что не получалъ «причитающагося вознагражденія». Рабочему не расторженія договора надо, а мѣста съ опредѣленной и охраняемой закономъ платой. На практикѣ это право сводится къ нулю: рабочіе или совсѣмъ избѣгаютъ жаловаться фабричной инспекціи, или же, что еще хуже, соглашаются на полученіе менѣе должной суммы¹⁾. Такъ же мало обезпечивало рабочему заработную плату запрещеніе понижать ее до срока найма. Въ обходъ

¹⁾ См. Сводъ отчетовъ фабричн. инспектора за 1902 годъ. Спб. 1904 г.

этой статьи фабриканты пустили въ ходъ опять «добровольныя» соглашенія о наймѣ. Такъ, въ одной расчетной книжкѣ, утвержденной фабричнымъ инспекторомъ, значилось «всякое измѣненіе платы объявляется рабочимъ и заносится въ вывѣшанныя таблицы платъ, причемъ рабочій, несогласный на эти измѣненія, имѣетъ право оставить свою работу, и ему производится на другой день окончательный расчетъ». Этимъ «добровольнымъ» соглашеніемъ нарушается сразу двѣ статьи, и самыя основныя. А фабрику съ такими «соглашеніями» было очень много.

Въ мастерскихъ желѣзной дороги въ Баку, напримѣръ, рабочій при поступленіи давалъ «добровольную» подписку слѣдующаго содержанія «если бы я въ депо оказался лишнимъ, то прошу уволить меня отъ службы *безъ предупрежденія, на что протестовъ съ моей стороны не будетъ*». Это ли не исполненіе закона?!

Законъ запрещаетъ произвольно налагать на рабочихъ штрафы и дѣлать вычеты въ пользу фабрикантовъ; штрафы и вычеты должны были поступать въ особый капиталъ, расходовавшійся на нужды рабочихъ. Эта мѣра «вызвала цѣлую бурю негодованія со стороны фабрикантовъ». Они утверждали, что штрафы есть ихъ собственность такъ какъ ими возмѣщались убытки за порчу матеріала и машинъ отъ небрежности рабочихъ. Какъ справедливы были такія утвержденія, мы убѣдимся, припомнимъ поводы, подававшіе къ штрафованію рабочихъ (цѣние на дворѣ фабрики, игра дѣтей, перелазованіе черезъ заборъ и т. п.). Какъ они всѣ сильно наносили матеріальные убытки фабрикантамъ! Привыкшіе къ беззаконію, фабриканты старались теперь обходить законъ. Такъ, во Владимірской губерніи составилась цѣлая группа владѣльцевъ бумаго-ткацкихъ фабрикъ, которая слѣдующимъ образомъ обходила статью о штрафахъ. Ими была составлена двойная или трой-

ная расцѣнка на одинъ и тотъ же сортъ товара, причемъ говорилось, что ткачи, сработавшіе безукоризненно товаръ, получаютъ за него плату по высшей цѣнѣ, сработавшіе похуже — по второй расцѣнкѣ, а бракъ — по самой низкой цѣнѣ. Не надо, кажется, добавлять, что рабочіе въ большинствѣ случаевъ получали двѣ послѣднихъ платы. Но и безъ такихъ расцѣнокъ фабриканты умѣли справляться: они записывали рабочему вмѣсто дня работы — полъ-дня, четверть дня, вообще меньше дѣйствительнаго настолько, насколько считали нужнымъ. Подобному обходу закона подвергалась едва ли не каждая статья и что всего хуже это то, что фабриканты всегда умѣли прикрываться тѣмъ же самымъ закономъ. «Фабриканты, — говоритъ Микулинъ, — поспѣшивъ выполнить съ формальной стороны все, что имъ предписывалось, немедленно же стали изыскивать способы для обхода закона и для веденія дѣла на прежнихъ основаніяхъ, прикрывая ихъ съ наружной стороны точнымъ исполненіемъ всего, что требовалось по закону»¹⁾. Очевидно, послѣдній былъ настолько плохъ и несовершененъ, что на практикѣ могъ лишь прикрывать злоупотребленія со стороны фабрикантовъ, не имѣя силъ раскрыть или преслѣдовать ихъ. Не говоря уже о прямомъ попустительствѣ или бездѣйствіи фабричной инспекціи — этой единственной защиты исполненія закона, мы могли бы привести многочисленныя жалобы не безсиліе самихъ фабричныхъ инспекторовъ. И это безсиліе создавалъ самъ законъ. При представленіи, напимѣръ, для засвидѣтельствованія приведенныхъ расцѣнокъ фабричные инспектора не имѣли права разсматривать эти расцѣнки и даже указать на ихъ незаконность. Разсматривать размѣръ заработной платы законъ предоставлялъ фабричнымъ инспекто-

¹⁾ А. А. Микулинъ. Очерки изъ исторіи примѣн. закона 3-го іюня 1886 г. Влад. 1893 г. стр. 71.

рамъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, если онъ могъ угрожать «общественной тишинѣ». Другими словами законъ самъ наталкивалъ рабочихъ на забастовки, которыя случались угрозой «общественной тишинѣ и порядку», такъ какъ иначе онѣ не могли получить себѣ защиты со стороны правительства и закона.

Вотъ до какихъ противорѣчій привелъ законъ, диктуемый не справедливыми требованіями защиты труда, а полицейски-бюрократическими соображеніями. Вотъ къ какому ничтожному результату на практикѣ привелъ законъ, созданный въ защиту капитала и въ видахъ сдѣлать рабочихъ недоступными «къ воспріятію преступныхъ ученій». Эти результаты нельзя не отнести всецѣло насчетъ приведенныхъ побужденій и тенденцій, которымъ обязано даже само появленіе лучшаго закона въ фабричной жизни.

Можно было бы еще очень много сказать объ этомъ законѣ, чтобы показать, что онъ совершенно непригоденъ не только для нашего времени, но даже и для времени появленія на свѣтъ; но мы ограничимся этимъ и перейдемъ къ послѣдующимъ законодательнымъ актамъ, которые отчасти измѣнили, а отчасти старались дополнить уищенные стороны фабричной жизни въ 1886 году.

VI.

Совершивъ героической подвигъ, выразившійся въ созданіи приведенныхъ законовъ, правительство Александра III считало себя въ правѣ почить на лаврахъ отъ трудовъ праведныхъ. Къ этому же обязывалъ реакціонный поворотъ во взглядахъ правительства послѣ событий 1-го марта. Вотъ почему мы цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ не встрѣтимъ чего-нибудь новаго въ области фабричнаго законодательства. Правительство, напротивъ, думало, что оно сдѣлало очень много и пыталось даже нѣсколько поотнять «правъ» и «привилегій» у рабочихъ. Къ этому поощряло его и російское именитое купечество, собравшееся на Нижегородской ярмаркѣ въ 1887 году. Отмѣнить законъ 1886 года они не просили, такъ какъ легко обходили почти всѣ его статьи, а вотъ отмѣна дѣтскаго труда была имъ крайне неприятна—тутъ уже трудно обойти, 8—9-лѣтняго *ребенка*, трудно выдать за 12—13-лѣтняго *рабочаго*. На это-то и былъ направленъ ударъ фабрикантовъ. Правительство охотно пошло навстрѣчу имъ. Министръ финансовъ, напри- мѣръ, писалъ въ своемъ представленіи объ отмѣнѣ запрещеній дѣтскаго труда, что фабриканты, «принимая такихъ малолѣтковъ на работы, руководились единственно сожалѣніемъ къ участи этихъ дѣтей и скорѣе готовы подчиниться взысканію за нарушеніе закона, нежели не призрѣть дѣтей работавшихъ у

нихъ лицъ или не оказать помощи тамъ, гдѣ представляется необходимымъ». Подумаешь, какое чело- вѣколюбіе! А если вдуматься, то окажется, что оно объясняется тѣмъ, что фабриканты экономіей отъ дѣтскаго труда не только покрывали ничтожныя «взысканія», но и туго набивали себѣ карманы. Къ счастью, Государственный Совѣтъ нашелъ, что «призрѣніе дѣтей, путемъ зачисленія ихъ въ фабричныя рабочіе, покупалось бы слишкомъ дорогою цѣною пожертвованія ихъ здоровьемъ и нравственнымъ развитіемъ». Однако тотъ же Совѣтъ согласился на всѣ измѣненія законовъ 1882—1885 годовъ, среди которыхъ, напри- мѣръ, есть разрѣшеніе употреблять малолѣтнихъ на работу въ воскресные и праздни- чные дни, въ которые работаютъ взрослые. Послѣдніе же не работали рѣдкій праздникъ.

Но вотъ среди мрачной реакціи, когда всякая попытка къ гласности, законности и малѣйшимъ улучшеніямъ тяжелой русской жизни считалась «безумными мечтаніями», издается законъ «о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени на фабрикахъ и заводахъ». Правда, прошло цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ, какъ правительство почило отъ трудовъ праведныхъ; но вѣдь онъ вышелъ послѣ разрѣшенія неограниченности дѣтскаго труда. Чѣмъ же объяснить такое появленіе? Вѣдь одиннадцать лѣтъ для нашего правительства очень немного, оно отдыхало и по 30—50 лѣтъ. Объясненія, конечно, есть, и мы ихъ найдемъ въ поведеніи фабрикантовъ и рабочихъ и въ томъ неизмѣнномъ отношеніи къ этому поведенію правительства, которое мы не разъ уже отмѣчали. Начиная съ 1894 года мы находимъ пѣлгій рядъ ходатайствъ передъ правительствомъ о законодательномъ сокращеніи рабочаго дня. Лодзинскіе фабриканты прямо указывали на невозможность конкурировать съ московскими фабрикантами благодаря чрезмѣрно длинному дню на этихъ фабрикахъ. Но и московскіе крупныя фабриканты, желая уни-

чтожить мелкую фабричную промышленность и такимъ образомъ захватить ее въ свои руки, также высказались за сокращеніе дня. Такъ, фабрикантъ Гусевъ заявилъ, что «малосильные фабриканты будутъ конечно говорить, что сокращать невыгодно, надо сокращать дѣло... и если бы такія фирмы сократились, то отъ этого едва ли кому было худо; рабочій тамъ выработываетъ минимальное содержаніе, товаръ публики получаетъ сомнительный, да и откуда идутъ фальсификаціи, какъ не отъ такихъ фабрикъ». Нѣкоторые же фабриканты сами убѣдились, что непомѣрно длинный день не только выгоденъ, а даже убыточенъ. Многие говорили, что при очень длинномъ днѣ «невозможно поддерживать въ рабочихъ строгое отношеніе къ своей работѣ». Побуждаемые такими соображеніями фабриканты сами просили о сокращеніи рабочаго дня. Можетъ быть, этого было бы недостаточно для правительства, принципиально не желавшаго всякихъ нововведеній, но тутъ на помощь явилось рабочее движеніе. Въ 1896 году и началѣ 1897 Петербургъ сдѣлался ареной огромныхъ забастовокъ на бумаго-прядильныхъ фабрикахъ. Эти забастовки рѣшили вопросъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ опять выступаетъ въ защиту якобы рабочихъ; оно для отвращенія забастовокъ настаиваетъ больше другихъ на законодательной нормировкѣ рабочаго дня и даже безъ пониженія заработной платы.

Скажемъ теперь о самомъ законѣ и его примѣненіи въ жизни. Такъ, мы видѣли, законъ 1886 года ни словомъ не обмолвился о продолжительности рабочаго дня, вслѣдствіе чего работа нисколько не уменьшилась противъ того, какъ она практиковалась до закона. Насколько чувствовалась необходимость сократить аппетиты фабрикантовъ, мы видѣли изъ отзывовъ нѣкоторыхъ изъ ихъ же среды. И вотъ законъ 2-го іюня 1897 года ограничивалъ рабочее время 11½ часами, а наканунѣ праздни-

ковъ—10 часовъ; ночная же работа сокращалась до 10 часовъ. Этотъ же законъ ограничивалъ сверхурочныя работы, столь излюбленныя для фабрикантовъ. Сверхурочныя работы могутъ быть лишь необходимы по условіямъ производства. Необязательныя сверхурочныя работы могутъ быть лишь при согласіи рабочаго и не могутъ превышать 120 часовъ въ годъ на каждого рабочаго. Работа въ праздники и воскресенье воспрещена; такихъ дней 66 въ году. Не разбирая закона по существу, мы перейдемъ къ тѣмъ измѣненіямъ его и нарушеніямъ на практикѣ, которыми такъ богаты послѣдующіе годы. Такъ, уже 5-го января 1898 года была отмѣнена норма сверхурочныхъ работъ и работа признана непрерывной, съ допущеніемъ «неограниченнаго числа сверхурочныхъ часовъ» въ хлѣбопекарняхъ, булочныхъ, мучкомольныхъ, сахаро-рафинадныхъ и даже типографіяхъ. Министерство финансовъ, вводя непрерывную работу въ типографіи, само чувствовало несправедливость, такъ какъ непрерывность подобныхъ работъ никакъ нельзя было объяснить «порчей приборовъ, обрабатываемыхъ матеріаловъ или приготовляемыхъ издѣлій», происходящей отъ остановки работъ; поэтому министерство объясняетъ необходимостью «удовлетворенія общественныхъ потребностей» и даже «необходимостью государственной обороны или иными нетерпящими отлагательства потребностями государства». Отмѣна 120-часовой нормы для сверхурочной работы въ пивномъ производствѣ, винокуренномъ и спиргоочистительномъ министерство ничѣмъ не могло мотивировать, даже «государственной обороной», и вводило прямо по «необходимости». Скоро эта «необходимость» по мнѣнію фабрикантовъ и министерства была настолько велика, что въ очень рѣдкихъ промышленныхъ заведеніяхъ соблюдалась 13-ая статья закона о нормѣ сверхурочныхъ работъ. Требованіе о 3 или 4 свободныхъ дняхъ для рабочихъ при непрерывныхъ работахъ также скоро

признало (24 фев. 1898 г.) «необязательнымъ». Установленіе праздничныхъ и воскресныхъ отпусковъ скоро очень сведось къ нулю, такъ какъ законъ не распространялся на рабочихъ, которые по своему своей работы должны работать даже тогда, когда фабрика вся не работаетъ, кромѣ того, онъ не касался работающихъ «сдѣльно». Относительно этихъ рабочихъ вообще законъ 1897 года не говорилъ ни слова. Поэтому такіе рабочіе не соблюдаютъ ни праздниковъ, ни нормы сверхурочныхъ часовъ, ни повышенія за нихъ платы. «Мастеръ можетъ заставитьъ васъ, — читаемъ въ «Русскомъ Богатствѣ», — работать сколько угодно часовъ, хотя про эти-то часы онъ и не заикнется даже, а скажетъ только, «чтобы было къ завтраму сдѣлано», и конецъ, а уже тамъ, какъ хотите, такъ и дѣлайте». А такіе сверхурочные часы чаще всего всрѣчаются на фабрикахъ. Обыкновенно фабриканты ссылаются на «добровольность» рабочихъ въ сверхурочныхъ работахъ, да и правительство, очевидно, вполне искренно вѣрится въ «добровольность» рабочихъ на такія работы. Но жизнь то давно убила въ этомъ всякую вѣру. На сверхурочныя работы могутъ согласиться только подъ страхомъ лишиться мѣста или въ надеждѣ заработать лишнюю копейку. Но теперь уже и рабочему стало ясно, насколько призрачны такія надежды; теперь и рабочіе сознали, что, кромѣ вреда, они ничего не имѣютъ отъ сверхурочныхъ работъ. А разъ такъ, то не можетъ быть и рѣчи о «добровольности» сверхурочныхъ работъ. Очевидно, что это объясненіе создано для защиты эксплуатаціи рабочаго времени и силъ. Это подтверждаетъ огромное количество жалобъ рабочихъ на принужденіе ихъ къ сверхурочнымъ работамъ. Въ 1901 г. жалобъ было подано: 186 отдѣльными лицами; изъ нихъ признано основательными 125; отъ рабочихъ группъ за тотъ же годъ подано 2064; изъ нихъ основательныхъ 1631. Въ слѣдующемъ году

жалобъ еще больше: 248—единичныхъ и 3025 отъ группъ. Вотъ вамъ и «добрая воля» рабочаго на сверхурочныя работы! Здѣсь можно скорѣе говорить о степени «принужденія» къ нимъ со стороны фабрикантовъ и о сопротивленіи со стороны рабочихъ.

Кромѣ того, законъ не имѣлъ никакой гарантіи въ томъ, что онъ не будетъ нарушенъ, разъ за нарушеніе его не слѣдовало наказанія виновному. Законодатель не вводилъ никакихъ наказаній за нарушеніе закона, почему фабричная инспекція очень часто оставалась «благородной свидѣтельницей» его нарушенія, не имѣя возможности покарать нарушителя. Положительный результатъ этого закона едва ли можно указать. Съ одной стороны мы постоянно слышимъ жалобы на его нарушеніе; послѣднія нерѣдко попадають въ печать, несмотря на всѣ заставы, которыми она окружена¹⁾, а съ другой стороны жизнь давно опередила законъ и норму рабочаго дня признала черезмѣрно длинной. Даже русское купечество признаетъ, что ни въ количествѣ часовъ надо искать производительность работы, а въ качествѣ какъ самихъ рабочихъ, такъ и условій работы; они, очевидно, сами убѣждаются, что 9—10-часовой работой вполне исчерпываются силы рабочихъ и не поднимаютъ выше этой нормы. Послѣ же революціоннаго введенія 8-го часового дня о нормѣ по закону 1897 года можно лишь сказать, какъ объ историческомъ событіи.

Намъ остается сказать еще о послѣднихъ законодательствахъ, предпринятыхъ въ 1903 году, законодательствахъ, составляющихъ «лебединую пѣсню» отжившаго режима. Рабочая сила для него являлась настолько грозной силой, что защитники начали подумывать объ историческихъ примѣрахъ, приводившихъ «къ серьезнымъ потрясеніямъ общественнаго строя», попросту—къ революціи. Нахо-

¹⁾ См. «Правду» 1905 г. кн. XII 169 стр.

дась подѣ воспоминаніемъ такихъ «примѣровъ», правительство рѣшается на исключительныя мѣры. Въ 1903 году издается законъ объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ. Онъ долженъ былъ сыграть роль громоотвода и замѣнить собою «исключительныя полицейскія репрессіи». Такъ, по крайней мѣрѣ, понимало его введеніе правительство, судя по объясненію членовъ Государственнаго Совѣта. «Изданіе узаконенія, — говорилось, — предоставляющаго рабочимъ справедливое обезпеченіе, можетъ имѣть послѣдствіемъ значительное уменьшеніе успѣха противоправительственной пропаганды. Достиженіе же подобнаго результата мѣрами исключительно полицейской репрессіи представляется вообще сомнительнымъ».

Наше фабричное законодательство до 1903 года не знало отвѣтственности предпринимателей за увѣчья и болѣзни рабочихъ. Если когда и возникали подобныя дѣла, то не иначе, какъ съ примѣненіемъ общей нормы гражданскаго закона, т. е. 684 статьи, по которой «всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные кому-нибудь его *дѣланіемъ* или *упущеніемъ*». Къ этой очень туманной статьѣ прибѣгали рабочіе въ случаяхъ увѣчій на фабрикахъ. Запуганный, темный и нищій русскій рабочій дѣлалъ это, конечно, очень рѣдко, да и то не всегда съ успѣхомъ. По свѣдѣніямъ министерства юстиціи удовлетворенныхъ судомъ просьбъ за 3½ года (1890—1903) было всего 26 % всѣхъ ходатайствъ рабочихъ. Препятствіемъ служила темнота рабочихъ, а, главнымъ образомъ, отсутствіе законодательства, такъ какъ по приведенной статьѣ рабочій долженъ былъ доказать *виновность* хозяина. Это не всегда то легко. Не надо доказывать, что не всѣ случаи увѣчій и болѣзней можно подвести подѣ личную вину фабриканта; по даннымъ германской статистики 43,4 % несчастій нужно отнести насчетъ профессиональной опасности производства и лишь 19,7

% на счетъ вины фабриканта. Естественно, что рабочій, не имѣя возможности доказать «дѣланіе или упущеніе» со стороны владѣльца фабрики, оставался безъ вознагражденія. Это требованіе личной вины фабриканта ставило рабочаго часто въ очень непріятное положеніе; онъ не желалъ бы иногда обвинять никого, онъ только желалъ бы получить справедливое вознагражденіе за лишеніе трудоспособности. А по закону его нельзя было получить, не обвинивъ другого, иногда быть можетъ и не заслуженно. Какъ бы то ни было, а положеніе рабочихъ при несчастныхъ случаяхъ, которые такъ часты на фабрикахъ, и въ случаяхъ болѣзни было отчаянное. Они обыкновенно являлись въ деревни и становились бременемъ семьи. Когда судъ сталъ болѣе внимателенъ къ такому положенію рабочихъ, фабриканты поспѣшили оградить себя отъ риска вознагражденія за увѣчья, страхуя рабочихъ въ страховыхъ обществахъ¹⁾. Насколько была нужда въ такомъ огражденіи капиталовъ фабрикантовъ или, другими словами, насколько были часты увѣчья и велика опасность платить по нимъ, видно изъ уплаченныхъ страховыхъ премій, которыя въ 1901 году достигли 3.438.000 рублей. Это страхованіе дѣлало большой шагъ въ сторону интересовъ рабочихъ; теперь имъ не нужно было доказывать виновность фабриканта, а лишь одно обстоятельство, что несчастіе произошло во *время исполненія обязанностей застрахованнаго*. Однако оно же имѣло столько недостатковъ, что мало обезпечило удовлетвореніе потерпѣвшаго. Размѣръ вознагражденія былъ крайне ничтоженъ и не могъ сколько-нибудь удовлетворить потерянное. Но что всего хуже—это проявившееся хищничество страховыхъ обществъ. Ихъ агенты являлись въ данномъ случаѣ прямо пиявками. Они не стѣснялись и не брезгали никакими

¹⁾ См. „Русское Богатство“ 1904 г. IV. стр. 156.

средствами, чтобы урвать лишній рубль изъ причитающагося вознагражденія рабочему. Мы не будемъ говорить о всей этой темной и грязной исторіи страховыхъ обществъ: объ ней достаточно знаетъ общество по газетамъ и по своимъ собственнымъ опытамъ рабочіе. Мы не коснемся здѣсь возникшаго было взаимнаго страхованія, такъ какъ оно не получило широкаго развитія и не имѣло существеннаго значенія для положенія рабочихъ. Намъ пора уже перейти къ закону 1903 года.

Нельзя сказать, чтобы мысль объ обязательномъ или государственномъ страхованіи отъ увѣчій была у насъ нова. Она возникла у насъ еще въ 80-хъ годахъ и особенно сильно занимала общество и печать въ 90-хъ. Правительство не мало получило на этотъ счетъ указаній и ходатайствъ. Однако «скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается». Еще въ 1880 году правительство поручило совѣту торговли и мануфактуръ составить проектъ правилъ объ отвѣтственности владѣльцевъ за увѣчья и смерть рабочихъ. Съ тѣхъ поръ этотъ проектъ переходилъ отъ одного министра къ другому; не разъ исчезалъ подъ сукномъ канцелярскихъ столовъ, пылился и валялся среди другихъ проектовъ, наконецъ, не разъ появлялся на свѣтъ Божій и опять исчезалъ, пока наконецъ «историческіе примѣры» не заставили правительство взглянуть на дѣло посерьезнѣе. Интересно всего, что «спотыкался» проектъ именно на то, что его наконецъ породило, именно на «цѣли государственной политики» и «общій духъ» нашего законодательства, выразившійся въ смертельномъ страхѣ передъ рабочимъ классомъ. Однако и «государственная политика» и «духъ законодательства» играли не малую роль въ редакціи закона. Уже одно привлеченіе представителей промышленности къ созданію закона при слабости правительства къ интересамъ «отечественной промышленности» не предвѣщало добра и въ дѣйствительности онъ ока-

зался „плотью отъ плоти“ умирающаго строя. По закону „при несчастныхъ случаяхъ владѣльцы предприятий обязаны вознаграждать рабочихъ за утрату долге, чѣмъ на три дня, трудоспособности отъ тѣлеснаго поврежденія, причиненнаго имъ работами по производству предприятия, или происшедшаго вслѣдствіе таковыхъ работъ“. Вознагражденіемъ потерпѣвшаго является пособие—по день возстановленія трудоспособности въ половинномъ размѣрѣ его жалованья, пенсія—въ случаѣ утраты трудоспособности навсегда—въ размѣрѣ $\frac{2}{3}$ заработной платы, и наконецъ возмѣщеніе расходовъ по лѣченію: въ случаѣ смерти потерпѣвшаго, владѣлецъ обязанъ выдать на похороны и пенсію вдовѣ, дѣтямъ и другимъ родственникамъ, въ соответствующемъ размѣрѣ. Отъ уплаты вознагражденія законъ освобождаетъ фабриканта «только въ томъ случаѣ, если докажетъ, что причиною несчастнаго случая, былъ злой умыселъ самого потерпѣвшаго или грубая неосторожность его, не оправдываемая условіями и обстановкою производства работъ». Вотъ въ этой то ограничительной статьѣ мы и должны искать дѣйствительный смыслъ и значеніе новаго закона. Съ перваго взгляда кажется, что онъ такъ благопріятенъ для рабочихъ,—теперь имъ не надо доказывать ни чьей вины, а только установить самый фактъ поврежденія: теперь напротивъ владѣлецъ долженъ доказывать вину рабочаго. Но вотъ тутъ то и начинается тотъ нервѣсъ интересовъ фабрикантовъ, который всегда низводилъ законодательство къ нулю. Пусть владѣлецъ не платитъ въ случаѣ „злого умысла“ со стороны потерпѣвшаго, хотя въ толкованіи «злого умысла» можно очень и очень разойтись. Да и трудно себя представить, чтобы эта статья была такъ необходима или часто практиковалась. Вѣдь «со злымъ умысломъ» нанести себѣ легкое поврежденіе не стоитъ никакого расчета для рабочаго, а изувѣчить себя серьезно, кромѣ риска смерти, еще всякаго удержать

незавидная перспектива калѣки, хотя бы и съ постояннымъ содержаніемъ: очевидно, эта статья для тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда рабочій становится «самъ себѣ врагъ». Еще больше простора для толкованія являютъ слова «грубая неосторожность, неоправдываемая условіями и обстановкою производства работъ». Для чего это еще ограниченіе ответственности? Вѣдь если владѣлецъ не можетъ доказать «злого умысла» со стороны рабочаго, то слѣдовательно *воля* его не играла роли въ случившемся несчастіи; стало быть онъ является потерпѣвшимъ невинно и независимо отъ его возможности уберечься, иначе мы должны были бы опять сказать, что рабочій «самъ себѣ врагъ». До тѣхъ поръ пока этого сказать нельзя, нельзя и «неосторожность» раздѣлять на грубую или негрубую, виновныя или невинныя, большія или малыя и еще какъ либо. Тутъ можетъ быть лишь одно толкованіе: или «злой умыселъ», или «неосторожность». Очевидно, послѣднія ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть вознаградимы. Вѣдь въ такомъ случаѣ каждое несчастіе можно объяснить неосторожностью и тѣмъ обезпечить себѣ безответственность. Не этимъ ли соображеніемъ руководился законодатель, когда вносилъ слова «грубая неосторожность»? Не желалъ ли онъ дать возможно больше владѣльцамъ оставаться безответственными, широко растягивая понятіе «грубая неосторожность»? Очевидно, что да. Даже сами составители законопроекта связывали всю опасность отъ толкованія словъ «грубой неосторожности». Они писали, что «при растяжимости понятія вины или неосторожности вообще и чрезвычайной трудности выясненія истинныхъ причинъ несчастія въ частности, порядокъ этотъ создалъ бы почву, благоприятную къ сутяжничеству, которое, умаляя въ сильной степени значеніе и достоинство самого закона, повело бы къ обостренію отношеній между нанимателями и рабочими». Приводя далѣе неоспо-

римыя доказательства въ ненужности и опасности введенія понятія «грубая неосторожность», министерство «пришло къ выводу, что основаніемъ отвѣтственности предпринимателя долженъ быть лишь фактъ несчастія, независимо отъ того, былъ ли онъ послѣдствіемъ ошибки, неосторожности или небрежности нанимателя или рабочаго». Однако это убѣжденіе не помѣшало въ законѣ появиться понятію, умаляющему самый законъ и бросающему тѣнь на законодателя въ пристрастіи.

Ограничивая предѣлы ответственности фабрикантовъ за увѣчья, законъ 1903 года совсѣмъ устранилъ таковую за поврежденія въ здоровьѣ, т. е. за «профессиональныя» болѣзни. Эту мѣру законодатель объяснялъ той трудностью, съ какой сопряжено опредѣленіе профессиональной болѣзни. Ему казалось, что опредѣлить болѣзнь является дѣломъ очень труднымъ, могущимъ породить рядъ «недоразумѣній» и даже «несправедливостей». Нѣтъ, конечно, надобности указывать на всю несостоятельность такого мнѣнія, появившагося единственно въ защиту интересовъ фабрикантовъ, тяжелымъ бременемъ взваливаго на плечи однихъ рабочихъ болѣзни отъ убійственныхъ условій русскаго производства на фабрикахъ и заводахъ. Фабриканты, нимало не заботясь о санитарныхъ условіяхъ рабочихъ и жилыхъ помѣщеній, ни мало не принимая предохранительныхъ мѣръ отъ зараженій и поврежденій человѣческаго организма (припомните описанныя нами условія работъ), оказываются свободны отъ вознагражденій за такія поврежденія; рабочіе же, ничѣмъ не имѣя возможности улучшить эти условія, подвергаясь постоянной опасности, единственно отвѣчаютъ за нихъ своимъ здоровьемъ, своей жизнью и благосостояніемъ.

Но ограничивая право на полученіе вознагражденія за увѣчье и отрицая совсѣмъ это право въ случаѣ профессиональной болѣзни, законъ 1903 года

мало гарантирует рабочему неотъемлемость и постоянство вознаграждения уже присужденного: онъ ставитъ его въ зависимости отъ благосостоянія фабриканта и даже чуть не его доброй воли. Представьте себѣ, что владѣлецъ предпріятія оказывается несостоятельнымъ, у него случился крахъ; съ той же минуты всѣ инвалиды фабрики или завода сразу лишаются пенсій или пособія. Чѣмъ они виноваты въ этомъ? и чѣмъ виноваты фабриканты? Однако эта невинность нисколько не улучшаетъ дѣла: инвалиды остаются безъ куска хлѣба. Мало этому помогаетъ причисленіе пенсій и пособій увѣчнымъ къ первому разряду долговъ; да если этотъ первый разрядъ такъ великъ, что ликвидація дѣла не можетъ его покрыть? Что дѣлаетъ законъ, если владѣлецъ не платитъ пенсій или пособія увѣчному? Какъ онъ обезпечиваетъ эту плату? Онъ налагаетъ на него лишь пени... въ одинъ процентъ въ мѣсяцъ, а по истеченіи 6-ти мѣсяцевъ просрочки обязываетъ обезпечить платежъ страхованіемъ. «Но какими мѣрами,—говоритъ «Русское Богатство»,—можно понудить предпринимателя къ страховкѣ—объ этомъ въ законѣ нѣтъ никакихъ указаній, потому что... его нельзя понудить ¹⁾, такимъ образомъ «теперь, за неимѣніемъ въ законѣ какой бы то ни было карательной статьи, исполненіе требованій закона предоставлено доброй волѣ каждаго владѣльца, его порядочности и совѣстливости». Одно надо думать, что законодатель увѣренъ въ этихъ качествахъ русскихъ фабрикантовъ.

Не касаясь другихъ многочисленныхъ «недостатковъ» закона, уже изъ сказаннаго мы можемъ заключить о всей его непригодности и неудовлетворительности. Къ тому выводу неизбѣжно приводитъ безпристрастная его оцѣнка, съ какой бы стороны на него ни взглянуть—со стороны ли полноты отвѣт-

¹⁾ «Русское Богатство» 1904 г. кн. V, стр. 135.

ственности фабрикантовъ, размѣровъ вознагражденія потерпѣвшему, гарантіи въ неизмѣнной и акуратной выдачѣ его или даже „удобства“ для предпринимателей. Мы не имѣемъ данныхъ о практическихъ результатахъ примѣненія закона 1903 года, но, судя по его свойствамъ и по тому, какъ онъ былъ принятъ фабрикантами, легко предсказать его безжизненность, какъ и всѣхъ его „товарищей“, вышедшихъ изъ бюрократическихъ рукъ. Безжизненность его обусловливается уже тѣмъ, что сама практика, сама жизнь давно опредѣлила его. Какъ и другіе законодательные акты, онъ явился слишкомъ поздно. Жизнь уже давно „явочнымъ порядкомъ“ ввела практику отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи, и едва ли эта практика нуждалась въ подтвержденіи со стороны отвлеченныхъ идей. Что новаго можетъ дать законъ 1903 года тому, кто, напримѣръ, застрахованъ въ обществѣ взаимнаго страхованія? На это можно отвѣтить вопросомъ же: что можетъ дать рабочему законъ 1897 года съ 11½ часовой нормой послѣ 8-ми часового дня, введившагося „явочнымъ порядкомъ“? Очевидно, одно—или бюрократическая работоспособность никуда не годится и не поспѣваетъ за жизнью, или жизнь не слушается бюрократовъ и идетъ своимъ „чередомъ“. Изъ того и изъ другого вытекаетъ глубокое сожалѣніе, пока у насъ существуетъ бюрократія, что у нея нѣтъ Іисуса Навина, который бы приказалъ стать солнцу...

1903-й годъ былъ, что называется, „чреватъ событіями“ въ области фабричнаго законодательства. Все тѣ же „историческіе примѣры“ вызвали законъ объ учрежденіи выборныхъ отъ рабочихъ старостъ и заставили правительство пойти на путь „представительства“ отъ рабочихъ. Однако это „представительство“ носитъ такой характеръ, что мы опасаемся говорить серьезно объ этомъ законѣ. Но мы будемъ серьезны до конца, если до сихъ поръ мы еще

удержались на столь опасной и трудной позиціи при разборѣ бюрократическихъ законовъ. Причины появленія закона все тѣ же; онѣ откровенно высказаны въ Государственномъ Совѣтѣ: «съ одной стороны, не только работодатели, но и власти часто бывали поставлены въ затруднительное положеніе въ виду необходимости вести переговоры съ беспорядочной и недисциплинированной толпой. Съ другой стороны — рабочіе, не имѣя права дѣйствовать скопомъ, лишены были возможности законнымъ образомъ заявлять о своихъ общихъ нуждахъ. Поэтому при возникновеніи беспорядковъ на почвѣ экономическихъ вопросовъ — выдвигаются обыкновенно наиболѣе безпокойныя личности, а этимъ обстоятельствомъ, политическая агитація пользуется для своихъ цѣлей»¹⁾. Итакъ правительство «остановилось на мысли объ учрежденіи представительства отъ рабочихъ въ лицѣ особыхъ старостъ» для того, чтобы подорвать политическую агитацію и чтобы удалить отъ рабочихъ «безпокойныя личности». Этимъ уже опредѣлялся составъ «представительства». Извѣстно, что во время рабочаго движенія выдвигаются люди наиболѣе смѣлые, даровитые и знающіе нужды и среду рабочихъ. Законодательство же, предпринятое для ихъ удаленія, естественно не могло дать имъ возможность попасть въ число «представителей». Оно дало право владѣльцамъ утверждать старостъ. Черезъ этотъ контроль едва ли могли пройти истинные «представители» и защитники интересовъ рабочихъ. Но если такіе и проскользнули случайно, или староста почему-либо не оправдалъ довѣрія владѣльца, то на этотъ экстраординарный случай губернаторамъ предоставлялось право «исправить» погрѣшности и уволить такого «представителя» до срока избранія, а фабриканты были вольны его просто удалить съ фабрики.

¹⁾ Прокоповичъ. — Къ рабочему вопросу въ Россіи, 120 стр.

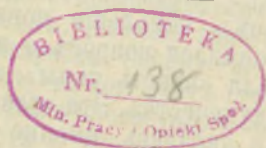
Такимъ «представительствомъ», ясно каждому, рабочіе нисколько не получали себѣ защиты, а фабриканты приобрѣтали нѣсколькихъ лишнихъ полицейскихъ чиновъ, лицъ безъ содержанія, что имъ еще болѣе было пріятно. Этого вполне достаточно, чтобы характеризовать законъ и дѣятельность стараго строя. Онъ оставилъ лишь нѣсколько исписанныхъ листовъ и имъ было даромъ потрачено время. Законъ не нашелъ себѣ примѣненія въ русской промышленности. Онъ шелъ по стопамъ своихъ предшественниковъ.

Таково фабричное законодательство въ Россіи. Отглядываясь назадъ и окидывая его общимъ взглядомъ, мы должны притти къ самымъ печальнымъ заключеніямъ. Мы должны сказать, что фабричнаго законодательства у насъ или совсѣмъ не было, или оно было, но крайне неудовлетворительное и при томъ не соблюдавшееся на практикѣ, сводя свое существованіе въ результатѣ къ отсутствію такового. Причиной такого явленія является «общая государственная политика» и «общій духъ» нашего правительства. Внушивъ себѣ разъ болѣе чѣмъ странные принципы, принявъ исключительную тактику правительство не могло выдти изъ темныхъ дебрей, куда его привели „тьма власти“ и „власть тьмы“. Читатель припомнитъ, что ни одинъ законодательный актъ не являлся безъ страха за власть; поскольку рабочіе были напоминаніемъ «историческихъ примѣровъ» угрозой «тьмы власти», постольку мы видимъ появленіе новаго закона. Но какъ только поднимался вопросъ о немъ, такъ сейчасъ же выступала «власть тьмы», т. е. власть нашего именитаго купечества. Эта «власть» была очень могущественна и являлась именно «тьмой», такъ ей все свѣтлое, прекрасное и лучшее было ненавистно. Эта «власть», какъ коршунъ, выклеивала все лучшее изъ закона, все его сердце и, какъ вампиръ, высасывала силы рабочихъ. Правительство

изъ корыстныхъ цѣлей или изъ органическихъ своихъ свойствъ не отставало вырываемыхъ частей. Благодаря этому законъ всегда являлся изуродованнымъ и даже ни для чего ненужнымъ. Обыкновенно жизнь текла сама по себѣ, а законъ оставался самъ по себѣ, не имѣя ничего съ ней общаго. Такое положеніе, конечно, не могло самымъ пагубнымъ образомъ не отразиться на жизнь рабочихъ и не могло не привести къ 1905 году. Онъ явился неизбежнымъ и прямымъ слѣдствіемъ всего уклада нашей жизни.

Теперь для нея намѣченъ новый путь и по нему прежде всего должно пойти фабричное законодательство и фабрично-заводская жизнь рабочихъ. Старый путь сыгралъ большую роль и, ярко очерченный на всемъ своемъ протяженіи, онъ предостерегаетъ всякаго кто бы по невѣденію вздумалъ пойти по немъ. Кромѣ того, онъ настолько заваленъ всякою рухлядью, что и идти то туда немыслимо.

Мы сказали, что намѣченъ новый путь для фабричнаго законодательства.—опредѣлить его главные пункты и пройти отъ начала до конца и является трудной, но почетной задачей народныхъ представителей въ первыхъ же своихъ собраніяхъ.

I.

Популярная литература по фабричному законодательству въ Россіи.

- С. Прокоповичъ.—Длина рабочаго дня по рус. законод. изд. Парамонова, 10 к., 1905 г.
- Исторія рабочаго законодательства въ Россіи. Библіотека рабочаго, № 2, 1906 г., цѣна 20 коп.
- Проф. Миклашевскій.—Стачки и социальный вопрос. Спб., 1905 г., ц. 30 коп.
- Г. В. Балицкий.—Забастовка и бойкотъ, 1906 г., ц. 8 к.
- Поль Луи—Рабочее законод. въ странахъ стараго и новаго свѣта, пер. съ франц., Спб. 1905 г., ц. 30 коп.
- Н. Дьяченко—Рабочій день въ Россіи, изд. „Союзъ“, М. 1906 г. ц. 5 коп.
- И. Озеровъ.—Нужды рабочаго класса въ Россіи. М. 1906 г. ц. 20 коп.
- Г. Балицкий. — Какая должна быть фабричная инспекція (печатается).

II.

Главнѣйшіе законодательные акты по охранѣ труда фабрично-заводскихъ рабочихъ.

1 іюня 1882 г. Законъ „о малолѣтнихъ, работающихъ на заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ“.

5 іюня 1884 г., „О взысканіяхъ за нарушенія постановленій о работѣ малолѣтнихъ на зав., фабр. и ремесл. завед.“.

5 июня 1884 г. „О школьном обученіи малолѣтнихъ рабочихъ“.

3 июня 1885 г. „О воспрещеніи ночной работы подросткамъ и женщинамъ на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ“.

3 июня 1886 г. „О наймѣ рабочихъ на фабрики, заводы и мануфактуры и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ“.

24 апрѣля 1890 г. „О работѣ малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ“.

14 марта 1894 г. „О преобразованіи учрежденій фабричной инспекціи и губерн. механиковъ“.

2 июня 1897 г. „О продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабр.- завод. промышленности“.

10 июня 1903 г. Законъ объ учрежденіи старостъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ.

2 юля 1903 г. „Объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ“.

Сюда не вошли статьи о стачкахъ, такъ какъ онѣ не составляютъ отдѣльнаго закона и измѣнялись очень часто, а также мѣропріятія послѣдняго времени, какъ имѣющія лишь временное значеніе и носящія даже названіе „временныхъ правилъ“.

Книгоиздательство „ТРУДЪ и ВОЛЯ“.

(Редакция В. Ю. Уманскаго).

	цѣна,
1. В. М. Хвостовъ. Права и значеніе народнаго представительства.	8 к.
2. Г. Занъ. Смертная казнь.	10 „
3. А. Николаевъ. Для чего нужно всеобщее обученіе.	10 „
4. Н. Ивановъ. Изъ русской старины: Бунтъ Стеньки Разина.	8 „
5. А. К. Досигелевъ. Права и обязанности гражданъ.	8 „
6. Н. Е. Кудринъ. Какъ организовать выборы?	3 „
7. Л. Гинзбургъ. Евреи въ Россіи.	12 „
8. Г. Занъ. Лассаль и его время.	8 „
9. А. Николаевъ. Интеллигенція и народъ.	10 „
10. Д. Гремльенскій. Какъ составляются законы.	8 „
11. В. Львовъ-Розановскій. Печать и цензура.	20 „
12. А. Житковъ. О налогахъ.	6 „
13. В. О. Государственное обложеніе въ Россіи.	10 „
14. В. У. Какіе нужны порядки?	5 „
15. Ивановъ. Что такое политическая партія.	3 „
16. А. К. Досигелевъ. О конституціи и конституционномъ порядкѣ.	6 „
17. А. Билевскій-Вилоруссовъ. Бабы.	3 „
18. А. К. Досигелевъ. Армяне въ Россіи.	10 „
19. Лосевъ. Профессиональные союзы.	6 „
20. Г. Валицкій. Гражданская свобода и производительность труда.	10 „
21. Д. Г. Наша полиція.	6 „
22. Ольга Волькенштейнъ. Страна равенства и свободы.	10 „
23. Г. Валицкій. Забастовка и бойкотъ.	8 „
24. Л. Дюва. Великая крестьянская война.	6 „
25. Что намъ нужно?	10 „
26. Флеровъ. Земледѣльскіе рабочіе.	10 „
27. Э. Ренанъ. Жизнь Иисуса.	60 „
28. Д. Г. Что такое учредительное собраніе.	6 „
29. А. М. Обуховъ. Что нужно для выборовъ?	6 „
30. А. К. Досигелевъ. Бисмаркъ и Лассаль.	8 „
31. Дурново. Приказный строй и народн. хозяйство.	6 „
32. Дръ Шертлингъ. Попеченіе о безработныхъ.	6 „
33. Э. Вальянъ. Соціальное страхованіе.	8 „
34. Г. Валицкій. Россія при Николаѣ I.	8 „
35. Н. Сибиринъ. Рабочій пролетаріатъ въ Россіи.	8 „
36. О. В. Дайеръ. Прибавочный трудъ и прибавочная цѣнность.	6 „
37. Н. Ш. Всеобщее избирательное право.	6 „
38. Д. I. О чрезвычайныхъ законахъ.	6 „
39. А. К. Досигелевъ. Крестьянскія движенія на Западѣ.	6 „
40. Рауль I. Камеры соглашенія во Франціи.	3 „
41. О. 8-ми час. рабоч. день, — докладъ Фабіанскаго О-ва.	6 „
42. А. К. Досигелевъ. Голодовки въ средніе вѣка.	6 „
43. А. Лосевъ. Торговые служащіе.	8 „
44. Н. Ивановъ. Свобода собраній и народное представительство.	6 „
45. С. Мельгуновъ. Старообрядчество и освободительное движеніе.	6 „
46. Проф. Ширяевъ. О судѣ.	8 „
47. С. Докинскій. Учредительное собраніе 1789 г. во Франціи.	8 „
48. Г. Валицкій. Фабричное законодательство въ Россіи.	15 „
49. Василевъ. Рабочіе въ Японіи.	6 „

138 КРІР

1100138

50. А. Михайловскій. Какъ лучше устро
 51. Е. Зотова. Винные откупа и монопо
 52. Поль Луи. Безработные
 53. Ф. А. Волкешитейнъ. Право и пр
 54. Возстаніе венгровъ 1848—1849 г.
 55. В. Зомбартъ. Очерки изъ исторіи
 пролетариата
 Рушковскій. Увѣчные рабочіе
 В. Маноцковъ. О сельскихъ властяхъ
 " " Потребительныя общества
 " " Земство и что оно дало
 А. М. Обуховъ. Почему всякій долженъ интересоваться политикою
 Е. Зотова. Прямой подоходный налогъ
 Васильевъ. Рабочіе въ Австраліи
 Н. Эфросъ. Женскій вопросъ
 А. Вебель. Крестьянскія движенія въ Германіи
 Туганъ-Барановскій, М. И. Земельный вопросъ
 К. Диль. Социализмъ, коммунизмъ и анархизмъ
 В. Маноцковъ. О сельско-хоз. обществахъ
 С. Лозинскій. Наполеонъ III и Коммуна
 Эльцбахеръ. Анархизмъ
 Р. Штаммлеръ. Современный анархизмъ
 Н. Сибирякъ. Республика и монархія
 Э. Д. Аваловъ. Федерация и автономія
 Миръ. Молодая Италия
 Д. Г. Личная свобода
 Бернардъ Гармсъ. Камеры соглашенія въ Голландіи
 Горбачевскій. Что мужики дали и что получили
 Г. Балицкий. Какая должна быть фабричная инспекція
 Г. Вакъ. Свобода союзовъ
 Д-ръ Катчеръ. Участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія
 Э. Вьютсонъ. Всеобщая забастовка
 Е. Ефимова. Жакерія
 Жофруа. Вѣчный узникъ
 Л. Дьева. Революція 1848 въ Австріи
 Клаепперъ. Графъ Муравьевъ-Вѣшателъ
 В. Маноцковъ. Мелкій кредитъ
 Проферансовъ. Наука въ Россіи
 Ж.-Ж. Руссо. Общественный договоръ (подъ ред. А. К. Дживелегова).
 Терешковичъ. Поляки въ Россіи
 О. Волкешитейнъ. Великая смута земли русской
 А. Вьлесскій-Вьлорусова. Мѣстное самоуправленіе
 Ф. Фишеръ. Милитаризмъ
 О. Волкешитейнъ. Англійское рабочее движеніе (Чартизмъ)
 Н. Р. Земельное законодательство Новой Зеландіи
 А. М. Обуховъ. Крестьяне и рабочіе
 Е. Дядова. Послѣдніе годы царствъ Александра I
 П. Д. Кларкъ. Современ. полож. рабочихъ въ Соединен. Штатахъ
 А. М. Обуховъ. Какъ защитить себя и свой домъ
 В. Тиммерманъ. Къ чему стремится союзъ земельной реформы?
 В. Нелировичъ-Данченко. Безъ имени
 А. Михайловскій. Какъ живутъ наши сѣверные сосѣди
 А. Лоріа. Эволюція и революція
 Любомудрова. Женщина въ революціонномъ движеніи